

Николай "НИККЕЙ" Галеев

16+

ДЬЯВОЛЬСКИЕ РИТМЫ

Марина НЕ грустит

Николай Галеев
Марина НЕ грустит:
Дьявольские ритмы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50363951

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-07898-7

Аннотация

С появлением новенькой одноклассницы мир повернётся к герою ранее невиданными гранями. Знакомая завязка? Теперь, конечно же, начнутся приключения, которые от кого-нибудь надо прятать. Давайте наоборот! Что если всё пойдёт наперекосяк, и тайны сами собой раскроются? Война высших сил, интриги инопланетных государств и тайных обществ – в этом дьявольском ритме Марусе и Ярославу предстоит явить лучшие качества и победить. Успех неизбежен, главное – не останавливаться.

Содержание

Пролог	19
Часть I	35
Глава 1	35
Глава 2	73
Глава 3	111
Глава 4	143
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Пролог

Если вы не видите разумного объяснения чему-либо, это не значит, что его нет! Оно есть, просто надёжно спрятано от вас, а ведь это уже шарлатанство, разве не так? Подмена логики мистикой, как правило, злонамеренна и вряд ли бывает во благо тому, от кого скрывают правду. Так что не верьте в чудеса. Если вам их показывают, знайте: скоро попросят денег.

Вот для примера возьмём категории вроде «великой силы искусства» или, скажем, «магии творчества». Магия магией, а авторское вознаграждение будьте любезны! Между тем, что такое всё это их пресловутое творчество? Плод досужих измышлений авторов, которым так здорово сидеть себе в тёплых чистых кабинетах и строчить буковки, вместо того, чтобы вкалывать в поле или на заводе! Лентяи, а всё туда же: волшебство! Космос им, видите ли, диктует высшие истины, Вселенский разум передаёт свою мудрость через их перо. Удобненько устроились, чего уж там. Хорошо быть проводниками высших сил! И чем они отличаются от шаманов диких племён? По сути им очень выгодно заставлять окружающих видеть в творчестве нечто мистическое, великое, недоступное простым смертным и их средним умам. Почему? Потому что так им есть, что продавать. Цена личного мнения – косой взгляд да бранное слово. Цена фальшивой

высшей мудрости же измеряется слитками золота. Особенно для дурачков. У тебя в жизни всё плохо? Сейчас тебе мудрец расскажет, как жить, только книгу купи и на семинар сходи.

Не знаю, кому как, а мне не нравится, когда меня держат за дурака. Ещё более раздражает меня невозможность разоблачить обман и противодействовать ему. К примеру, если бы я в школе взялся рассуждать подобным образом о творчестве общепризнанных деятелей, получил бы «неуд» без шансов исправить. На этом всё б и закончилось: никто слушать доводы не стал бы. А начал я с лирического вступления о вранье лишь потому, что история, которую намереваюсь вам поведать, связана с разного рода обманами так же тесно, как сила с ускорением.

Коль скоро мы уже заговорили о писательстве, то я, в отличие от некоторых, не собираюсь выдавать собственные мысли за высшие истины. Так что знайте, читатели: всё изложенное здесь – это мой собственный опыт, ни на какую каноничность не претендую.

Итак, зовут меня Яр. Вообще-то, конечно, Ярослав Сергеевич.

На момент начала всего балагана я жил в Петербурге с родителями и младшей сестрой, и учился в самой обычной школе. Если же вы хотите представить себе меня чисто внешне, то можете нарисовать коротко стриженного дылду ростом метр-восемьдесят. Немного худого, немного нескладного – всё же я тогда ещё был подростком, и те-

досложение вполне себе соответствовало возрасту, несмотря на то, что я каким-то образом вымахал в настоящую каланчу. Хорошо хоть постоянные занятия спортом позволяли не выглядеть совсем уж жердью: спортивные плечи – это уж, извините, не отнять.

Ну, и лицо! Надо ж ещё и о лице рассказать, раз уж взялся себя описывать... Как бы про лицо-то? У меня было обветренное от морских ветров лицо, а через половину лба от рассечённой брови тянулся шрам, полученный в драке с бешеным псом! Мой «нижний прищур» повергал окружающих в трепет, а седая прядь в волосах визуально добавляла мне возраста.

Купились? Бред же! Обычный я был пацан: вы каждый день таких по сто штук на улице видите и лица их не запоминаете даже! Не было у меня шрамов и седых прядей, а повергнуть я мог кого-то разве что в уныние от безысходности и страха за будущее страны.

Нормальный я был. Обычный. «Особые приметы отсутствуют».

На тот момент мне постоянно казалось, что с физиономией что-то не так. То нос слишком большой, то глаза асимметрично посажены. А то и рот кривой вообще, и с этим пушком на верхней губе и подбородке – вообще карикатура какая-то. Пришлось сбривать. Хорошо хоть кожа не сильно раздражалась и прыщи не лезли. И всё равно в зеркало глядеть на себя я не любил, что почему-то не мешало время от времени слы-

шать от друзей, мол, вот я-то симпатичный, а они-то уроды. Ну, то есть у них отношение к самим себе было ровно таким же, как и у меня, и связано это было, скорее, с подростковым максимализмом и перестройкой организма при созревании.

Ладно, что на этих комплексах зацикливаться, давайте по существу.

Года за два до начала событий родители начали активно ездить в длительные командировки, и мы с сестрой подолгу жили у бабушки, благо, это на соседней улице, так что школу менять не пришлось. Так и рос – без непрерывной угрозы подзатыльника со стороны отца. Кого-то это расслабило бы, побудило к разгильдяйству, а вот я как-то внезапно осознал: когда родители возвращаются из поездок, это радостное время не стоит омрачать попытками скрыть дневник и оправданиями за плохие отметки. Получалось не сразу и не всегда, разумеется. Хотелось же и в комп поиграть, и с друзьями зависнуть. А иной раз и вовсе в каком-то материале не разобрался. И всё же это частности. Понимаете, я себя попросту лучше ощущал, если на вопросы отца выходило спокойно или даже не без гордости отчитаться о результатах учёбы в школе и работы во Дворце Пионеров. Приходилось даже получать за это какие-то плюшки в качестве поощрения. И главное – доверие.

Доверие бесценно.

Именно оно позволило мне в свои шестнадцать уже не перебираться к бабушке, а остаться жить дома. Причин желать

подобного нашлось сразу несколько самых разных. От возможности строить собственное расписание до (зачем скрывать?) посиделок с друзьями. Хотелось самостоятельности, пусть и минимальной. Длительное отсутствие родителей воспитало во мне умение принимать решения под собственную ответственность, но сами подумайте, на каком это могло быть уровне, живи я у бабушки? Верно, ни на каком! Я уже сам определял, какие факультативы посещать в школе, каким спортом заниматься – и скажу вам, привык считать себя достаточно «большим». Бесконечные «Ярикпокушай» и «Шапкунезабудь» с некоторых пор попросту раздражали. Нет, я не сердился: ясно же, что бабушка беспокоилась обо мне и хотела, как лучше, но ведь и мне не пять лет. Надеть шапку в холод я и сам уже не забывал (если в том была необходимость, разумеется), так что от лишней опеки старался отбояриться. Ощущая себя мужчиной, а не бестолковым дитятей, я не видел для себя иных путей – только самостоятельность и только независимость. Здесь в мою пользу сыграли самые разные факторы: отметки в школе я получал неплохие, да к тому же занимался спортом. То есть, у родителей были все основания доверять мне. Пиво, семечки и подворотни не привлекали меня ни капельки. И хотя, как все нормальные школьники, я довольно часто проводил время со своей компанией, веселью мы предавались культурно, и даже соседи не жаловались.

Ну, почти.

По крайней мере, приятели говорили, что после наших посиделок к их родителям никто ни разу не обратился. А у меня мы вообще заседали всегда очень тихо. В любом случае, сейчас не о том: велопробеги, танцы, салюты и «обнималочки» на Дворцовой площади – всё это здорово, однако к нашей истории отношения не имеет. В значительной мере интерес к прежним увлечениям у меня ослаб (да что там, совсем другая жизнь началась) после первого сентября N-ого года, когда я пришёл в школу поучаствовать в линейке и послушать, что нам скажут по поводу так называемого Дня Знаний.

Тоже мне! Никакого праздника: сама идея первого сентября кажется мне издевательской! Не секрет ведь, что в жизни детей начало учёбы в школе связано не только с новыми знаниями, но и с нервотрёпкой. Да такой, с какой не все взрослые имеют дело, и всяко чаще. И никуда не деться: кто-то с одноклассниками общего языка не находит, кто-то в учёбе не успевает, а если всё вместе, то кончиться может очень плохо. Но нет! Первого сентября все должны делать вид будто очень рады... Чему? Началу каторги? Конечно! Всем же так нравится, что больше нельзя гулять целый день, как на каникулах! Все же так рады уехать подальше от тёплых морей! Все обожают дождь, тетрадки, двойки и полоскания мозгов. В добрый путь, ученики! Флаг вам в руки, медаль на грудь и электричку навстречу.

Вдобавок радужному настроению, видимо, должен спо-

собствовать первый день осени, когда вместе с летом из Питера уходит какое-никакое тепло. Скоро листья пожелтеют, красивая зелень сменится серым нечто, а золотой осени в Петербурге нет уже который год. Оптимист возразит, мол, это я в Пушкин или, там, Павловск не ездил – в тамошних парках золотая осень бывает, как положено. Я бы на это ответил так: одно дело прогулочка, другое – повседневность. Летом зелень радует везде, включая мой обычный двор в обычном спальном районе. Если же за светлыми чувствами приходится специально ехать невесть куда, то грош цена всей затее. Или кто-то вправду считает возможным наглядеться на что-нибудь красивое впрок и про запас? Нет?

Так ведь и это ж ещё не всё!

Даром, что кругом картина безрадостная, ещё и свободного времени становится с гулькин нос, ведь приходится заниматься учёбой. Как ни крутите, а человеку больше хочется отдыхать, чем трудиться. А пока мы сидим над тетрадками, всё ближе подкрадывается зима, которая в случае Петербурга охватывает ещё и ноябрь с мартом. И тогда вообще дело труба.

Если кто не заметил, окружающий мир нас вообще не балует. Скажу точно: конкретно на нас ничто в этой жизни не равняется. Нет, я не сам такой умный: в шестнадцать лет обычно кажется, будто весь мир вертится вокруг тебя. Отец объяснил мне, что это не так. Переубедить на глубинных уровнях, конечно, не смог, но кое-что я усвоил.

Выход-то какой? Как спастись?

А надо самому делать себе настроение.

Стоит лишь поддаться унынию, и оно отравит твою душу, лишив радости. А что из этого следует? Верно: нужно научиться переключаться. Вечно счастливый ходить всё равно не будешь, но отыскивая хоть мелкие поводы для радости, ты содержишь разум и чувства в порядке и равновесии. Собственно, я к чему, поняли уже? К тому, что на первое сентября у меня был план, как слегка скрасить унылый и отчасти лицемерный “праздник” себе и окружающим.

Будильник разбудил меня в шесть утра.

Линейка в восемь тридцать, но я поднялся заранее – решил метнуться за цветами для одноклассниц. Девчонок порадовать мне хотелось просто так, и свою, с позволения сказать, акцию я придумал и спланировал заранее. Быстренько выпив чаю и проглотив пару бутербродов, я нарядился, как положено, в белую рубашку и форменные тёмно-синие брюки. Потом я долго тупил на туфли, которые вроде как лучше подходят к форме, но в плане удобства оставляют желать много лучшего. В итоге я выбрал кроссовки, и вот в таком виде выскочил из дому.

Зелень ещё не явила желтизны, солнышко высвечивало яркие краски, но в одной рубашке оказалось неожиданно зябко. «Прохладненько», – поёжился я, и даже подумал вернуться за форменным пиджаком или курткой. Однако – примета плохая. Оговорюсь: я не очень суеверен, но возвращать-

ся почему-то не люблю. «Эх, где наша не пропадала! Поеду так: вдруг распогодится – тогда не буду знать, куда деваться с курткой», – решил я, наконец, и направился к остановке, чтобы добраться до примеченного заранее цветочного магазина. Купив букет для классного руководителя и по цветку для каждой из девчонок, я понял, что времени забежать домой уже особо не осталось, и выдвинулся прямо в школу, благо портфель взял с собой изначально. Полагаю, поездку на маршрутке описывать смысла нет никакого. В своём рассказе я вообще буду упускать несущественное, так что привыкайте. Забегая вперёд, скажу, что многие подробности ускользнули и от меня самого – уж больно стремительно всё случалось. Иными словами, ежели хотите раздумчивых описаний дубов в жизни князя – это вам ко Льву Николаевичу. Здесь же история совсем другая: я, прежде всего, хочу, чтобы вы в полной мере ощутили на себе те дьявольские ритмы, что привнесла в мою жизнь осень десятого класса.

Когда ваш (не сказать чтобы очень) покорный (не сказать чтобы очень) слуга прибыл на школьный двор, народ только начал собираться, и пока можно было заметить лишь разрозненные редкие группки старшеклассников и родителей первоодок с огромными букетами. Взглянув на часы, я пожалел, что не заскочил домой, улыбнулся собственной безалаберности и отправился искать своих. Нашёл, надо сказать, довольно быстро.

– Привет, Ярик! – поздоровалась со мной наша староста,

Рита Вишневецкая.

– Ку! – ответил я и вручил ей розочку.

– Спасибо, очень мило! – улыбнулась девушка.

«А вот интересно, – подумал я тут же, – если отметить в ней «некоторые» изменения, что будет?»

Признаться, я имел в виду вполне определённые признаки, которые бросились в глаза, стоило лишь увидеть симпатичную кареглазую Риту. Мы взрослеем, сами понимаете, но отношение к этому процессу у всех разное. Например, одной девушке может быть приятно, что её округлившуюся грудь заметили и оценили по достоинству, а кто-то, напротив, может и обидеться, приняв за (страшно подумать!) объективацию или даже домогательства! Поразмыслив в таком ключе, я рассудил, что-таки надо иметь хоть какой-то такт, и не стал говорить сомнительных комплиментов. Зато завёл вполне безобидную беседу о минувшем лете, в тайне надеясь, что мне покажут фото с пляжа. Пока болтали с Ритой, народу всё прибывало, и скоро стало не протолкнуться. Знакомым парням я пожимал руки, одноклассникам выдавал по цветочку. Они, конечно, не ожидали столь изысканного жеста, и я получал огромное удовольствие, наблюдая, как ярче моих цветов распускались их милые улыбки! Всё же порадовать девчат внезапной мелочью – просто замечательная идея! Странно, что никто, кроме меня, не додумался.

Ближе к началу линейки из дверей школы вышла наша горячо любимая классная руководительница, Мария Иванов-

на. Уж кого-кого, а её мы цветами просто задарили. Она у нас замечательный, очень душевный и понимающий человек. К тому же за свой класс – горой. Даже если мы виноваты, кулуарно отругает, но от нападок извне по возможности оградит. Лучшего классного руководителя и пожелать нельзя. Стоило ей выйти – мы все обступили её и загалдели: каждому хотелось, чтобы она хоть чуть-чуть послушала о нём. Каждому, кроме меня, разве что. Я рассказывать о себе не любил.

– Яр, а ты что летом делал?

– Я в сочинении лучше всё распишу. С подробностями.

– А, ну ты как всегда, – покачала головой классная под одобрительные комментарии остальных, что мол, я – как всегда.

Ещё бы! Так -то каждый из них не как всегда, и только я – как всегда.

«Вот же! Докопались-таки! Что бы соврать?» – досадовал я, и ответил правду, не найдя ничего лучше:

– Ладно! На даче деду помогал. Солнце, речка и здоровый физический труд!

Кому-то такие каникулы вполне могли показаться скукотой, и я даже возражать не стал бы. Не объяснять же всю подоплёку, в самом деле! Так что тему с моим летом быстро проскочили, и я смог, наконец, вернуться к любимейшему делу – глазеть по сторонам в поисках чего-нибудь интересенького. Сразу же отметил: оба параллельных класса явились почти в полном составе. Коротко взглянув на часы, я

убедился в догадке: ещё минут пять и можно идти строить-ся. Следовательно, неплохо бы и старосты не упускать из виду. К моему удивлению, она болтала в сторонке с тихоней из «Б»-класса Снежаной Варяг. Никогда бы не подумал, что они знакомы. О Снежане я раньше знал лишь то, что она всё время с книжками где-то сидит и читает. Ни разу в жизни не видел её за каким-либо другим занятием. Кстати, даже на физкультуре не припомню её. Освобождена, должно быть. А вот интересно, как она бегаёт кросс – тоже уткнувшись в книгу? Или даже нет! Бег с препятствиями – вот это был бы номер. При всём при том по школе ходили слухи, будто эта девочка – пианист-виртуоз, лауреат международных конкурсов. Однако в школе за фортепиано я её опять-таки не видел ни разу. Ну, и игры её тоже не слышал. И более того, хоть я и учился с нею в параллельных классах уже много лет, в лицо при встрече не узнал бы. Дело в том, что оно постоянно было обращено к книгам и к тому же скрыто от окружающих ниспадающими пепельно-блондинистыми прядями. Какого цвета были её глаза, красилась ли она – об этом я не имел ни малейшего представления. Да что там – будь у неё кривой нос, скобки на зубах или родинка на щеке – я и этого не знал бы! Она же никогда не поднимала головы! А тут вдруг взялась беседовать с нашей старостой. Интересно, о чём?

От наблюдения за Ритой и Снежаной меня отвлёк кто-то из одноклассников, и я даже не помню, кто именно. Меня просто схватили за плечо и развернули в нужном направле-

нии. Не пришлось ничего объяснять, ведь открывшаяся картина говорила сама за себя. Да что там – прямо-таки кричала сама за себя среди безмолвия, потому что все вокруг словно заткнулись и тоже смотрели. И вы сейчас поймёте, что я имею в виду.

Итак, на моих глазах и при всём честном народе по дорожке к школе медленно и грациозно, словно в замедленной съёмке, шла Мила Краснова из 10-«В». Я увидел – нет, лучше сказать «узрел» – нереально синие глаза, алые губки, рыжие кудри, колыхающиеся в такт походке. В волосах – два традиционных белых банта, в руках – небольшой портфель и букет белых хризантем. В кино такое появление обычно сопровождается гитарным риффом и скольжением кадра от элегантных туфельек на каблукке, мимо идеально сидящей форменной клетчатой юбки – прямо к личику, на котором играет лёгкая улыбка, лишённая надменности.

О, я помню чудное мгновенье!..

Не передать словами, какой прекрасной она показалась в тот момент, причём не только мне, но и всем присутствовавшим мужчинам независимо от возраста. В прошлом году такого не наблюдалось. Мила воспринималась симпатичной, но не более. А тут вдруг – даже не знаю, как эффект описать – просто бомба!

Потом уже все стали говорить промеж собой, что привезли красотку Милу на крутейшем представительском «мерседесе», что у неё какой-то очень серьёзный папа, и что непо-

нятно, почему она без охраны и зачем ей вообще наша обычная школа, если она могла бы вполне учиться хоть в Великобритании, хоть в Соединённых Штатах. Но это потом и вообще не важно. Первого сентября перед линейкой в течение нескольких минут для всех мужчин существовали лишь свет её ошеломительной красоты и аура неземного очарования.

Как ни жаль, от созерцания Красновой и мыслей о ней же вскоре пришлось отвлечься. Мы прошествовали на стадион, встали в шеренги по классам и приготовились слушать приветственные речи. Которые не заставили себя ждать и были, как всегда, довольно унылы. “ВДОБРЫЙПУТЬ”, “ЗДРАВСТВУЙПЛЕМЯМОЛОДОЕ” – вот это всё.

Стоя во втором ряду и внимая напутствию директора и завучей, я всё гадал, что за незнакомый девчачий затылок маячит передо мной? Ну вот не мог я вспомнить никого из наших девушек, кто сегодня собрал бы волосы в «хвостики», приладив к ним большие белые банты.

Неужели новенькая?

Вот было бы здорово!

У меня как раз осталась одна розочка – Наташа Галкина переехала с родителями в Москву. Ну и, в общем, решение напрашивалось само собой. Улучив минуту, пока уводили первоклассников, я аккуратно протянул цветок, шепнув на ухо: «С праздником!»

Девушка приняла подарок и обернулась.

– Спасибо...

Точно – новенькая! Здесь бы мне сказать что-то путное и завязать знакомство, но я лишь улыбнулся. В голове пронёсся табун вариантов ответа, но ни один из них ухватить не удалось. Так я и стоял – весь под впечатлением. Девочка тут же снова отвернулась, а я всё не мог в себя прийти. Тут не нужна была ни внезапная сногшибательная красота Красновой, ни брызжущая энергия Вишневецкой, ни соблазнительная женственность каких-нибудь голливудских звёзд. Карие глазки, брови вразлёт, чуть вздёрнутый носик, открытая улыбка – мне с самого начала всё стало ясно без слов. Передо мной была «Она».

И «Она» в моём классе.

И скоро я узнаю «Её» имя.

Кто-то что-то ещё говорил в микрофон, потом заиграла музыка и линейка закончилась, а мы поднялись в класс – как это происходило, не помню. Я лишь следил глазами за новенькой и ждал.

– Ребята, – обратилась к нам Мария Ивановна (не терплю обращение «Ребята», но что поделать?), – у нас в классе новая ученица, Марина Светина. Прошу любить и жаловать!

«Ну, что ж: стало быть, Марина...»

– Привет, я Маруся. Приехала из Севастополя, надеюсь, среди вас есть интересные люди!

Вот так. Не больше и не меньше. Она что, с дуба рухнула – так приветствовать? Типа, мы все тут амёбы примитивные, но даже среди такого мусора её величество изволит поискать

тех, до кого ей снизойти. В общем, волшебство первого очарования в одночасье пропало бесследно, и к заносчивой новенькой я мгновенно охладел. Кареглазая красотка, говорите? Отлично сложена, говорите? Очаровательные хвостики? Приятный голос?

Полноте! С такими заявлениями даже самой распрекрасной девушке недолго снискать себе славу высокомерной дуры, которую никто и с Восьмым марта не захочет поздравлять.

Так я думал.

А время всё тикало, отмеряло минуты, ведь на самом деле наша встреча запустила обратный отсчёт до конца привычного мира. Наверное, знай я об этом тогда, предпочёл бы уехать куда-нибудь в тайгу и поселиться там одиноким отшельником.

Часть I

Глава 1

Начались занятия. Да, именно так банально приступаю к повествованию. Ничего не поделаешь – это школа! Вообще-то я люблю учиться, но в школе мне всё равно скучно. Нам не нравится делать то, что мы сами не хотим, тогда как школьные занятия как раз на личные желания не ориентируются. Есть план, есть цель: ты должен в определённые сроки освоить объём знаний согласно программе. И всё. Хоть убейся. Можно сколько угодно рассуждать, мол, учиться полезно и даже необходимо для дальнейшей жизни. Пока ваша «дальнейшая жизнь» не наступила, для школьников это просто слова. Да, потом люди рвут на себе волосы: что ж я не учился, когда мог?! Задним умом все умные. Пока молодой, приоритеты другие.

Вот сейчас будет крамола, безусловно, и кто-то может меня проклинать, но, наверное, по-другому просто нельзя. Ну, вообразите, если подросткам дадут волю: чем они займутся и, главное, чему научатся? Учёба – это труд, а труд – это трудно. Сюрприз! От него устаёшь, а, следовательно, хочешь отдыхать. Вот этим все и занялись бы. Такие вот очевидные вещи, ага. Ладно, чего это я в нотации ударился?

Ах да, начались занятия. Дни потекли тихонечко, и первое время Марина Светина, почти никак себя не проявляла, разве что окончания учебных дней в её исполнении были фееричны. Стоило лишь прозвенеть с последнего урока, как наша Маруся, не слушая никаких “Звонок-для-учителя!”, хватала портфель и уносилась ураганом из кабинета, бросив через плечо своё звонкое «Пока!» Само собой, учителя такое терпеть не желали и пожаловались классной. Не знаю уж, провела ли Марья Ивановна воспитательную беседу сама или подключила родителей, но уже со второй учебной недели Светина уносилась лишь после настоящего окончания урока, того самого, которое «для учителя». И вот скажите на милость – как так? Сидит себе девочка на уроке. Вроде как учится. Вроде как даже прилежно. На переменках ходит всюду спокойно. Старается как-то контактировать с одноклассниками, даже что-то кому-то объясняет по алгебре. Как в это время её внутренний ядерный реактор выдерживает без взрывов и выкрутасов?

Нет ответа.

Вместо ответа просто “ПОКА!” по окончании урока и прямо-таки ракетный пуск: Светина вылетает в дверь, а мы слышим грохот стула, который летит в противоположную сторону. Серьёзно, заканчивали бы на первом этаже – она в окно бы стартовала! Где это видано, чтобы десятиклассница срывалась и пулей вылетала? От младших девчонок такое можно ожидать, но от моих одноклассниц – увольте. Они

цокают своими каблучками, манерно ведут беседы и ходят, точно в песне Леонида Максимова, «как каравелла по зелёным волнам», демонстрируя нам, парням, всё больше расцветающую женственность. Понимаете теперь, что я привык видеть в одноклассницах, и какой шок мы все испытывали от взрывных выходов Маруси?

И вообще. Вот это её “ПОКА!” – оно к чему? После её, скажем так, неоднозначного самопредставления первого сентября подобное прощание (да ещё с этим реактивным стартом!) звучало и выглядело как... не знаю даже! – как что-то высокомерное. А если кто-то хотел с ней переговорить после уроков? Типа, «Всё, я больше ни секунды не задержусь в вашем болоте» – так? Или не так всё же?

И как – КАК? – это должно было соотноситься с тем простым и очевидным фактом, что Маруся сама по себе оказалась вполне милой и доброжелательной. Про помощь одноклассникам я уже упоминал, так? Как-то на перемене я видел, как она вела к медкабинету какую-то мелюзгу. Ну, то есть она увидела, что человеку плохо, и не осталась безучастной. В таком фарватере она всё больше включалась в нашу школьную жизнь, преодолевая обычное для новеньких отчуждение, и уже к концу сентября на её прощание в классе слышались ответные «пока». Которые она, впрочем, по-прежнему не слушала особо, вылетая в дверь, как пробка из бутылки шампанского.

За себя же скажу так: чем дольше я наблюдал за новень-

кой, тем больше проникался симпатией. Как бы восстанавливал то самое первое впечатление, которое странная девчонка испортила неудачным приветственным словом.

Начнём с внешности: хоть форма и не располагает к особым изыскам, Маруся попросту умела носить вещи и правильно комбинировать разные варианты. Особенно мне нравилось её форменное клетчатое платье: не слишком короткое, оно просто чудесно подчёркивало её осанку. К слову, такого же у других девчонок не было, и, подозреваю, платье ей сшили на заказ специально из ткани с нашей “фирменной” клеткой – чисто чтобы смотрелось как форма. Про всякие блузочки, юбочки, кардиганчики и пиджачки я вообще молчу. Ничего не утверждаю, но, возможно, она просто отнесла их в ателье, где всё подогнали по фигуре. Что же вышло? А вышло то, что Марина Светина смотрелась в своей форме, точно модель с рекламного плаката. Хочешь убедить девушку носить форму? Покажи ей Светину со словами: “Будешь выглядеть ШИКАРНО!” – и всё, она побежит закупать такие же шмотки впереди собственного визга!

Ещё Маруся нежданно-негаданно сыграла роль в жизни школы в целом. Как бы сказать?.. Она сломала лёд в плане косметики. Видите ли, в нашей школе девочкам вообще-то краситься не разрешали. Не то, чтобы Светина сделала что-то особое – просто ходила в школу накрашенной и всё. Таковой, знаете, лёгкий еле-заметный макияж, что лишь подсвечивал естественную красоту. Помады спокойных тонов, там,

светлые тени, вот это всё – она так ненавязчиво подчёркивала свою миловидность, что никто в школе не посмел возражать. Смотрели косо, может быть, ворчали в учительской – этого я не знаю, но публичной проработки, скандалов и ругани не было точно. Ну и скажем прямо, всё же косметику она использовала минимально. Маруся вполне выступала ходячим упрёком любительницам нарисовать себе новое лицо поверх тональника. А поскольку у нас таким не увлекался никто, следом за Светиной некоторые девочки тоже принялись аккуратно наводить красоту на радость нам, парням. Всё же в цветнике из красивых барышень даже на скучных уроках сидеть приятнее.

С другой стороны, на эти их коленки всё равно отвлекаешься безотносительно макияжа. И – довольно об этом. Встречают по одежке – провожают по уму, так что давайте теперь о внутреннем содержании поговорим.

Кто у нас поёт соловьём по-английски, и объясняет одноклассникам, как решаются задачки по физике? Кто без запинки называет любую столицу любого государства? Кто прочитал летнее задание по литературе полностью и снимает с языка учительницы всё, что касается драмы Островского “Гроза”?

Мери Сью в дурацких фанфиках!

Обознатушки. Нет, по англишу Марина действительно выступала шикарно, да и с алгеброй была на “ты” – это истинная правда. Другое дело, что в начале сентября ещё не

было такого материала, на котором можно было бы нахватать “двоек”. Я просто видел, как она работала, как отвечала у доски – и в этом чувствовался интерес. Она как будто училась не через силу, а с желанием. Ей, верное, попросту не составляло труда осваивать знания, и, мало того, без школьной учёбы она бы заскучала. И – да, на то была прямая, хоть и не вполне очевидная, причину, которую я довольно скоро узнал во Дворце Пионеров, и до которой рассказ дойдёт своим чередом. Терпения, пожалуйста.

Сначала были слухи.

Светина поссорилась с хударком джазового кружка. Заявила, что тот не умеет выбирать репертуар.

Светина показала класс в кружке бальных танцев, но отказалась от участия в ансамбле и ушла.

Пикантной историей поделились и ребята из кружка живописи. Дескать, Светина принялась возмущаться, мол, рисовать статуэтки, пейзажи и натюрморты слишком скучно, и потребовала обнажённую натуру. Преподаватель, не зная, на какие выходки эта сумасшедшая способна, в шутку предложил ей самой позировать остальным. Несчастный тут же пожалел о сказанном, ведь Маруся невозмутимо принялась стягивать с себя кофту. Остановили, конечно, но хударка потом вызвали к начальству и устроили головомойку. Само собой, в тот кружок она больше не ходила.

Мы в секции бокса даже, нервно хихикая, ждали, когда она прибежит на тренировку и нокаутирует всех нас по оче-

реди, завершив тренером. Шутки шутками, конечно, но у неё и правда фигура была довольно спортивная, и на уроках физкультуры это прямо-таки бросалось в глаза. Она точно чем-то занималась в своём Севастополе или откуда там она к нам прибыла.

Нет, в самом деле, складывалось такое впечатление, будто наша Маруся бесподобна вообще в любой области и при этом полностью лишена тщеславия. Мери Сью! Как это возможно с живым человеком? Ну, я-то догадывался.

Как вариант, всё описанное вполне может быть игрой моего воображения. Нарушением памяти из-за розовых очков, что невесть откуда возникли на глазах Ярослав-Сергеича и не позволяли ему оценивать действия её высочества хоть сколько-то объективно. Кстати, упомянутые очки просто так не появляются и всегда идут в комплекте со всякими сложносочинёнными состояниями вроде влюблённости.

Но как подступиться?

Здесь уместно бы порассуждать вот о чём. Считается, что скромность – это хорошо, и оспаривать это глупо. Что важно – так это не путать скромность с нерешительностью. Если хочешь общаться с человеком, есть прямой смысл действовать, ведь от томных взглядов разговор сам собой не завяжется. Признаться, в шестнадцать лет я этого для себя ещё не уяснил. И пока я, образно выражаясь, «хлопал ушами» (а попросту говоря, терял время), Маруся осваивалась в классе (об этом я уже рассказал), обзаводилась подружками – и всё

это абсолютно мимо меня.

Зато подружки подобрались – хоть стой, хоть падай!

Первой стала Рита. Тут никакого секрета нет: Вишневецкая всё же староста. Общение с нею было попросту необходимо для нормального учебного процесса. К тому же, согласитесь, старостами не становятся на ровном месте: у Риты была предрасположенность. Общительная, в меру болтливая, разворотливая, да ещё с какими-то шутками всё время, она была страшно харизматичной, и если бы не Светина, то, подозреваю, всё моё личное внимание привлекала бы именно Вишневецкая. С этими её “особенностями”, которые я заметил в первый день.

Вот только не надо этих смешков! Я был пубертатным подростком, не забывайте!

С другой стороны, в окружении Маруси скоро обнаружались и куда более примечательные персонажи, нежели наша староста. Уже на третьей неделе в школе Марусю можно было видеть болтающей с двумя самым заметными девочками из 10–«В»: Катей Цурюпой и самой (уже восхваленной мною на этих страницах) Милой Красновой.

О, эта парочка достойна отдельного рассказа! Помните чудесное явление огненной красавицы Милы на линейке первого сентября? Здоровый молодой человек переходного возраста не может забыть такое. Но, как легко догадаться, помнил не только СлавСергеич, а ещё весь мужской – как бы это точнее – личный состав школы.

Почему я сказал «личный состав»?

Потому что вот-вот грозила разразиться война.

Фактически, новая битва за Трою: там, помнится, была Прекрасная Елена. А у нас – Прекрасная Милена. (Да-да, она не Людмила, а Милена, представляете?) Так вот, все словно с ума посходили. Мила Краснова идёт по коридору – мужчины молча следят за нею глазами, и сворачивают шеи. Мила в буфете – кто-то уже тащит ей вкусняшки. Ну а когда Мила на спортивной площадке, всё мужское население школы прилипает к окнам.

Не верите?

Дело ваше!

Как будто перечисленного мало, поползли слухи, что у Красновой какой-то фантастически богатый папа: её привозили в школу и забирали на шикарном сверкающем «мерседесе», а её эксклюзивный айфон искрился так, словно его украшали не камни Сваровски, а настоящие бриллианты. Ну, и тут вопрос: где же пряталась охрана? А вот, похоже, особо нигде. И когда бедной красавице стало вовсе мрачно от чрезмерного внимания, пришло избавление в лице подружки Кати. Даром, что блондинка: острый ум и не менее острый язык создали ей весьма специфическую репутацию злобной пересмешницы. Шутила она метко, жёстко и крайне бестактно. Не то что на грани фола, а вовсе даже за гранью. Прямо вот даже некрасиво для девочки, скажу я вам, хоть консервативностью взглядов и не отличаюсь. Ну, а несчаст-

ный, навлекший на себя её гнев, рисковал превратиться в общее посмешище: вся школа потом с неделю могла тыкать в несчастного пальцем, пересказывая Катины пересоленные остроты. И ведь трёпку не задать – девочка всё-таки. Наконец, (и это знали все) Катя была дочкой руководителя Питерского отделения Росконтакта, который по понятной причине взял шефство над школой. Оное шефство выражалось, например, в том, что класс информатики в позапрошлом году оснастили такой техникой, что туда стало страшновато заходить. Понятное дело, пост и авторитет папы способствовали немалому гонору дочурки, и она раздавала словесные оплеухи направо и налево, не особо беспокоясь о возможных обидах. Мне же во всём этом замесе было просто по-человечески интересно, насколько сам папа-чиновник мог одобрять подобное поведение дочери?

Словом, троица получилась та ещё, не находите? Ну, вот и я находил. Как, по-вашему, что могло связывать взбалмошную Марусю с девочками-мажорами, не подпускаящими к себе никого на пушечный выстрел? Если бы тогда спросили меня, я бы предположил, что всё дело в пресловутой отстранённости. Иначе говоря, я полагал, будто Маруся стремилась отгородиться от окружающих, и в этом полностью совпала с Красновой и Цурюпой. Надо ли говорить о том, как я оценивал свои шансы завязать приятное знакомство и вписаться в их междусобойчик?

Никак.

Месяц прошёл, ничего не случилось (вот удивительно-то!), а я всё чаще ловил себя на мыслях о Марусе. Ну, типа, что она вообще-то очень даже в моём вкусе: и чисто внешне, и вообще. А поскольку застенчивость всё ещё не позволяла мне поступить правильно, я придумал себе оправдание: якобы я наблюдал за Марусей, изучал её для правильных и безошибочных дальнейших действий.

В ходе этих “наблюдений” удалось установить: на истории она обычно рисовала в тетради цветочки (если не писала конспект, конечно), на литературе строчила в блокнотик, а на английском – скучала и даже дремала. Главное, в какой бы момент её ни спросили, наша чудо-девочка неизменно отвечала верно. Словно до самой последней секунды внимательно слушала, что там толковал учитель. В отличие от «сонных» предметов, на алгебре с геометрией она, как оказалось, напряжённо работала. В довершение всего, физику и химию Маруся щёлкала, как семечки, а если приходилось что-то отвечать у доски, рассказывала даже с каким-то воодушевлением. Словно всю жизнь только этим и интересовались. Восхищённый таким подходом к точным наукам, я только и ждал повода, дабы – вроде как невзначай – завязать беседу.

Вот только что сказать взбалмошной девице, для которой школьная программа не сложнее детской головоломки, которая способна перетанцевать преподавателя по танцам и перепеть джазовый ансамбль? Как не комплексовать перед

девушкой, у которой у самой комплексов нет от слова “совсем”? Признаться, я даже начал понимать, что именно она имела в виду своим приветствием первого сентября. Маруся Светина была гением, а мы по сравнению с ней – просто детьми. Этому ходячему феномену мы, простые смертные, были не особо интересны. Она, поди ж ты, могла и в университет экстерном поступить, не моргнув глазом. Мне б такие мозги!

А теперь серьёзно: вот выяснил я всё это, осознал – что дальше-то? Идти комплексовать из-за «пятёрок» в её дневнике? Впасть в хандру из-за своей ущербности в сравнении с её гениальностью? Был бы я каким-нибудь эмо в полосатом свитере – так бы и сделал, наверное. Но я им не был, да и сами эмо давно вымерли, как динозавры.

На теоретическом уровне я знал: если девушка нравится, сидеть в сторонке и вздыхать – подход бесперспективный. И уж точно, чем писать в пустоту слезливые сонеты о неразделённых чувствах, лучше один раз сделать над собой усилие и преодолеть застенчивость. На практике же как-то не довелось мне этого применить. Никто раньше не вызывал у меня таких ярких чувств – вот и всё. А коли так, мне следовало отказаться, наконец, от несвойственного для себя ампула безответного воздыхателя, прекратить бессмысленный внутренний монолог из серии «А что, если она?» – и радикально изменить положение дел. Волевым действием, неожиданным для самого себя.

Ага, легко сказать.

Каково же было моё удивление, когда Светина проявила инициативу. В понедельник, четвёртого октября, когда закончилась литература и впереди была большая перемена, Ярослав Сергеич спокойно собирал портфель, когда её высочество повернулось ко мне и зыркнуло прямо в душу со словами:

– Может, хватит ко мне через плечо подглядывать?

Тут бы мне всё отрицать, но я растерялся и ляпнул:

– Да я того – не особо. Интересно просто: ты, что ли, стихи пишешь?

Маруся удостоила меня ещё одним пронзительным взглядом, после чего потупилась и ответила, наконец:

– Ага. Так, ерунда всякая.

– А почитать дашь? – это я сказанул, наверное, совсем уже опьянев от возможности поговорить с нею.

– С чего бы вдруг! Это глубоко личное! – ответствовало её величество. – Если каждому встречному-поперечному давать читать своё сокровенное – это всё равно, что превратить душу в проходной двор!

– Так, значит, это всё же не ерунда, – вырвалось у меня, и Маруся, умолкнув, уставилась на меня, как Виндоус на новое устройство. Несколько мгновений мы играли в гляделки, а потом она вдруг спросила:

– Это ведь ты мне цветок подарил? На линейке.

– Ну да, а что?

– Да, ничего, просто это было неожиданно и приятно.

– На это и рассчитано... – пожал я плечами. Снова долгий взгляд.

– Пойду тогда, извини.

И она ушла, а я подумал, что Рубикон как-то внезапно оказался перейдён. Первый ход сделан! Своего рода «Е–2» – «Е–4». Маруся Светина говорила со мной, и сам факт этого безмерно радовал. Вечером того же дня, тренируясь в спортзале и попутно анализируя произошедшее, я дал себе обещание непременно повторить успех и наладить, наконец, общение с новенькой.

«В социальных сетях её найти?» – думал я на беговой дорожке.

«Или поискать общие увлечения?» – размышлял я, качая пресс.

С другой стороны, что я мог ей предложить? Пригласить на вечеринку? В кино? На концерт?

Весь в этих мыслях я по пути из спортзала свернул в нашу пионерскую комнату, лишь чтобы найти там секретаря ячейки – Игната Изюмова. Когда я отворил дверь, он как раз что-то читал за своим столом, теребя кончик хвоста, в который он по обыкновению забирал свои соломенного цвета длинные волосы.

– А, Ярослав? Забавно, я как раз думал, что ты зайдёшь. Хотел даже позвонить. И у меня на самом деле есть к тебе разговор.

– Салют, – я расслабленно вскинул руку в пионерском приветствии.

Игнат довольно приятный в общении парень. По разговору – очень взрослый, как будто и не одноклассник вовсе. Впрочем, он вполне мог быть и постарше на год-два, почему нет? Знаете, такое бывает – когда взрослость в человеке чувствуется на каком-то глубинном уровне. Вроде перед тобой совсем молодой парень, но сомнений нет: он старший. По разговору, по манере держаться, не знаю. Чувствуется! Вот это мне всегда и внушал Игнат. Ну как всегда? Последние пару лет, пока он появился в нашей ячейке с назначением сразу секретарём.

Интересно, к старшим братьям такое испытывают? Я спросил как-то сестру, но она не поняла, о чём я. Видимо, от меня такой ауры не исходило. Может, всё дело было в том, что Игнат у нас всё же командир, то есть какой-никакой авторитет? Так или иначе, я был весьма даже заинтригован и польщён внезапным интересом Изюмова к моей скромной персоне. И вот, оставив портфель на стуле около входа, я протиснулся между партами и уселся на первый ряд прямо перед секретарём.

Тот терпеливо ждал, попутно складывая какие-то листочки в красную пластиковую папку.

– Яр, я слышал, у тебя в классе какая-то сногшибательная новенькая?

– С первого сентября ещё, да, – кивнул я.

– И как она?

– Странная.

– Чем же?

Я прищурился:

– Ну, раз ты в курсе, что она у нас появилась, и вызвал меня на разговор о ней, то, вероятно, и про подвиги наслышан? В кружках куролесит, в учёбе успевает хорошо, дружит со старостой и дочкой главы Росконтакта, – я честно выдал, что знал, не вдаваясь в подробности.

– Цурюпой? Понятно! Интересно. Знаешь, я ещё и по линии Пионерской организации о ней получил сообщение. Она тоже проходит по программе “Зеркальный”.

Я поднял бровь.

– Светина – Пионерка? Не удивлён в принципе.

Изюмов разулыбался:

– Сам догадывался, да?

Я кивнул и уточнил:

– “Зеркальный”? Не “Буревестник”?

– Пока никак себя не проявляет...

– Да вообще-то проявляет. Говорю же, это вполне себе объясняет некоторые особенности поведения, – я скривил мину, как от лимона, – Повышенная обучаемость, способности во многих областях. Вэшка что ли?

– Пишут, тип “Б”, спящий. Как бы её к нам в кружок привести?

– Станный вопрос, – я не понимал, к чему вел Изюмов и

с каких он так по-дурацки улыбался, – если она до сих пор не пришла к тебе сюда, так, может, она и не хочет дальше участвовать в программе? А может, просто думает, что организации здесь нет, типа, она только в её городе была.

– Украина свою программу свернула, – пояснил Изюмов, – В Севастополе работает только наша ячейка, да и та в двух школах всего. Судя по полученным данным, она не особо активно участвовала, – Игнат тихонько хлопнул ладонью по папке, – В лагерь ни разу не съездила. Чисто формально числилась в программе и всё.

Помолчали. Не, ну а что я мог сказать, если знал о Светиной заметно меньше, чем тот же Изюмов с этой его папкой. Я просто ждал: Игнат должен был вот-вот перейти к тому, ради чего и затеял беседу.

– Слушай, я ведь чего спросил про вашу Светину: она, говорят, рок-группу собирает.

«Вот это номер!» – отозвалось у меня в голове.

– Откуда знаешь? – спросил я Игната.

– Слухи ходят разные.

“Ну все в теме, кроме меня!” – захотелось всплеснуть руками, впрочем, мои эмоции были продиктованы больше, иронией, чем настоящим сожалением: сдружиться-то со Светиной я ещё не успел. Да и докладывать мне свои намерения её ничто не обязывало.

– Если честно, вообще ничего об этом не слышал, – ответил я, – Риту Вишневскую спроси.

– А может, спросишь саму Марину? Не в службу, а в дружбу.

– А с какой целью интересуешься? – применил я расхожую фразочку.

– Да, я на барабанах немного умею, так что мог бы поиграть у неё, если ударника нет. С барабанщиками всегда проблема. Если что, играть можно прямо здесь, во дворце. В цокольном этаже есть второй репетиционный зал с оборудованием, главное – договориться с музыкантами из кружков, кто когда его занимает, чтобы не пересекались и не мешали. Всё при деле будет, а то хулиганства её уже кое-кого напрягают. Сам понимаешь! Ну, и познакомится с нами – глядишь, и к ячейке примкнёт.

Я понимал, да. Когда Пионер болтается без дела, это ненормальная ситуация, и припахивать таких нужно, особенно тех, у кого в некоторых местах ядерный реактор работает вхолостую. Словом, Слав-Сергеич согласился без дальнейших разговоров, и на этом мы с Изюмовым распрощались.

Весь оставшийся вечер я продумывал, как подойду и что скажу. Это, кстати, никогда не действует, учтите. Ты крутишь и так, и этак – разрабатываешь возможные варианты, но потом из-за какой-то мелочи всё идёт наперекосяк, и ты мысленно коришь себя, что не подготовился к такому простому обороту, от чего беседа расклеивается ещё больше. С обычными людьми всегда так, а с нашей Марусей и подавно.

С другой стороны, в вопросах рок-группы у меня был очень сильный козырь.

Какой? Скоро узнаете.

Итак, настал великий день.

На перемене между уроками алгебры я поднялся со своего места, и подошёл к Светиной, которая по обыкновению восседала, нахохлившись, за своей партой.

– Ку! – поздоровался я вместо обычного «привета».

– Кю! – протянула Маруся, чем слегка озадачила меня. Своей репликой она как бы приняла правила беседы, отозвавшись на моё приветствие в манере инопланетян из фильма «Кин-дза-дза». Однако в первоисточнике слово «кю» означало ругательство, то есть девушка меня, вроде как, отшила. Да-да, первой же фразой из одного слова (из двух букв!) эта чертовка выбила меня из колеи, и беседа пошла совсем не так, как я давеча продумывал.

– Значит, тебе тоже нравится этот фильм? – спросил я.

– Кю-у! – ответила Маруся с таким выражением, словно говорила «ещё бы!» Стало быть, в первый раз она не отшила, а просто подколола меня. Совсем неплохо!

– А вообще фантастика?

– Не выделяю жанры, – ответила Маруся на удивление спокойно, – Таланты и бездари есть в любой области. Я люблю всё, что талантливо.

Не было в её голосе нервозности, и по развёрнутому ответу я видел: девушка постепенно расслабляется. Может,

раньше она держалась буквой, потому что трудно сходится с людьми? Может, ей нужно просто привыкнуть к человеку, прежде чем сможет разговаривать с ним? Я слышал, такое бывает.

– Говорят, ты группу собираешь?

– И кто же говорит? – девушка приподняла бровку.

– Слухи ходят разные, – ответил я словами Изюмова, – А так вообще человек один просил уточнить.

– А ты его секретарь, что ли? – огрызнулась вдруг моя бесцеремонная собеседница.

– Это скорее он – секретарь, – невозмутимо улыбнулся я, – Секретарь ячейки.

– А... Пионеры... – закатила глазки Маруся, – Ну, и что этот твой... друг?

– Да не друг он! Говорит, что барабанщик и что поиграл бы в группе. И даже предлагает решить вопрос с помещением.

– О! – девчонка словно ожила этого: расправила плечи, села прямее и как будто даже засветилась изнутри. – И когда он сможет приступить к репетициям? И, кстати, его желание играть не объясняет, почему ты у него на побегушках.

– Да я б не стал спрашивать, но, видишь ли, я вообще-то на гитаре играю.

Маруся уставилась на меня в упор.

– А что играешь?

– Ну, рок, там, металл... – я почесал затылок, и сделал

вид, что задумался. Про себя же я отметил, что девочка сперва мгновение просияла, а потом быстренько скрыла радость, желая набить себе цену.

– Годится! Но я должна тебя испытать. Абы кого в свою группу я не беру! – заносчиво резюмировала она.

«Ну-ну! А у самой-то глазёнки вон как заблестели!» – отметил я про себя.

Начало, таким образом, было положено, хоть обсудить «испытание» нам помешал звонок. Я вернулся на место, и как-то так получилось, что до самого конца учёбы в тот день продолжить разговор нам не довелось. Зато после седьмого урока Маруся не унеслась, как это обычно бывало, а подождала меня, и скоро мы остались один на один в школьном коридоре.

– Так вот, о группе, – я сразу же перешёл к делу, желая захватить инициативу, – Игнат сказал, что репетировать можно будет в зале в цокольном этаже Дворца пионеров, и там уже есть оборудование, остаётся только утрясти расписание с другими музыкальными кружками и подобрать состав. Так, в чём, говоришь, состоит твоё испытание?

Прищурившись, словно с даже немного наигранным подозрением, Маруся уточнила:

– А у тебя серьёзные намерения?

– Серьёзней некуда.

– А то смотри! Если собираешься бездельничать, отлынивать и пропускать репетиции – лучше сразу не начинать! –

девушка театрально потрясла кулачком. Видно было, что она рисуется.

– Не хочешь принимать – так и скажи, – не давал я спуску.

– Ладно, чего ты? Нервных людей я тоже не люблю. Здесь на листочках табулатуры и слова. Можешь посмотреть и по-пробуй выучить к завтрашнему дню.

Сказала, вручила мне листочки – и всё.

АТЕПЕРЬМНЕПОРА! – и смылась.

Вот вам и важный разговор, ради которого я дёргался весь день. Черт возьми, ну во что я снова ввязываюсь? Я-то думал поиграть известные хиты, а тут на тебе: придётся разбирать девчачьи стишки. Так и вообразил себе:

Зачем меня ты любишь —

Себя ты этим губишь!

В душе моей морозы —

Аж замерзают на глазах твоих печально слёзы!

Представив такое, я даже не решился открыть листочки сразу. Свой мозг надо беречь! Даже добравшись до дома, какое-то время братья за Марусины песни я опасался.

Боялся разочарования? Скорее, «да», чем «нет». Определённо – «да». Походил по квартире, начал делать домашнее задание, а сам всё косился на сложенные пополам листочки на уголке стола. Маруся к тому времени успела убедить меня в своей гениальности, и я искренне не хотел, чтобы стихи оказались плохими. При этом вы ведь уже знаете моё отношение к иррациональным категориям вроде «творчества» и

«вдохновения»! С таким подходом не очень-то охота лезть в писанину сверстников. Сами понимаете: мне лишь бы раскритиковать, а они чуть что – сразу в драку полезут. А уж Маруся точно в глаз засветит. С другой стороны, с чего бы? Разве она при мне с кем-то дралась или иным образом проявляла агрессию? А с третьей стороны – пусть попробует. Будет удивлена. В общем, я решил так: один раз поведусь на Марусину затею, а там уже сориентируемся, как действовать. Хотя, конечно, сбор группы – предприятие сколь желанное, столь же и сомнительное.

Вам, конечно, интересно, с какой радости я играю на гитаре, раз такой скептик? Признаюсь честно: научился, чтобы заинтересовывать девчонок. Не секрет ведь, что им нравятся парни, которые умеют играть. Несмотря на столь банальную цель, скажу определённо: брэнчать песенки на трёх аккордах мне крайне быстро смертельно наскучило. К тому же впечатление можно произвести только действительно развитыми навыками владения инструментом, ведь лупить по струнам без разбора умеет почти любой. Вот так и вышло, что я неплохо освоил целый ряд признанных шедевров западных хард-рок команд, а вместе с ними и набор крутых приёмчиков.

Однако вернёмся к Марусиным песням. Подключив свою электрогитару сомнительного происхождения (но отнюдь не сомнительного звука), я для разгона пальцев наиграл пару-тройку любимых риффов, после чего приступил к разбо-

ру нового материала.

И знаете, что?

Тексты оказались хоть сырые, но довольно интересные, а риффы так и вообще удивили: ничего запредельного в них не было, но и без подготовки не сыграть. Мелодии несложные, очень понятные и запоминающиеся, но при этом совсем не производили впечатления уже услышанных много раз. «Класс!» – подумал я и увлёкся всерьёз. Благо, родители, как всегда, в командировках. Домашку пришлось делать наскоро – но это уже издержки. Выучив предложенные мне три песни, я улёгся спать в предвкушении завтрашнего дня. Утро вечера мудренее, как всем нам известно из сказок. Всю дорогу до школы я насвистывал выученную накануне гитарную партию и пребывал в отличном настроении. Пришёл в школу за пятнадцать минут до начала уроков, надел сменную обувь, поднялся в кабинет алгебры – и на меня немедленно налетел ураган пополам с торнадо.

– Яр! Ну, наконец-то! – заголосила на весь этаж Маруся. – Нельзя так задерживаться!

– Ничего себе, «задерживаться»! Может, мне ещё за час приходиться?

– Ну, чего ты такой вредный? Выучил?

– Да выучил, выучил!

– Отлично! – радулыбалась неугомонная девчонка. – Тогда сегодня проведём первую репетицию! Ты же взял с собой гитару?

«Вот я тупой! Гитару-то не взял! Ладно, действуем, как будто так и надо.»

– Естественно, нет! – сказал я, разведя руками. – Ты разве видишь её? Да и зачем в школу таскать? Если репетировать всё равно пойдём во Дворец Пионеров, то я просто заскочу домой по пути.

– Тогда после уроков выдвигаемся на базу!

– Точку, – поправил я, – В Петербурге говорят не «база», а «точка». А в каком составе будем играть?

– Ну, ты на гитаре, я буду петь, а остальных сам увидишь. Хватит занудствовать: как только все узнают, что мы собираем команду, к нам сразу выстроится очередь из разных музыкантов, мы только и будем успевать проводить кастинги! Всяких там странных фриков, конечно, сразу же завернём – нам не надо, чтобы от нас шарахались. Но и высоколобых зубрил в костюмчиках нам тоже не надо. Главный критерий – навык игры...

Звонок на время прервал поток пафосного красноречия, но эта девчонка в своих устремлениях напоминала локомотив, который уже набрал скорость. От нетерпения она весь день ёрзала на уроках (словно на стуле была россыпь кнопок) и бросала на меня многозначительные взгляды через плечо (словно эти кнопки подложил я). Примечательно, что после нашей с ней утренней беседы весь остальной класс пребывал в недоумении, ведь до того Маруся ни к кому из одноклассников, кроме Риты, почти не обращалась первая, и уж точ-

но не налетала с расспросами столь пристрасно. Вдобавок мы даже и не думали, что она способна так фонтанировать энтузиазмом по итогам беседы с кем-либо. Конечно же, не только парни, но и некоторые девчата то и дело приставали с расспросами. А что я мог сказать?

– Мутите какие-то дела вместе, а, Яр? Признавайся!

– Колись, вы чего с ней задумали?!

– Ой, да отстаньте, в самом деле! Что бы ни задумали, говорить ещё рано, – отмахивался я.

Кое-как досидели до конца занятий, а потом в рамках традиционного уже реактивного старта Маруся почти буквально подхватила мой портфель, и мои тетрадки и, на бегу упаковывая всё это, потащила меня за руку на выход. Как мы переобулись из сменки в уличные ботинки, я даже не помню – меня просто закружил ураган! Под непрерывную пафосную болтовню о покорении большой сцены мы, забыв вернуться за моей гитарой, полетели ко Дворцу Пионеров, благо он находился недалеко: прямо в соседнем дворе через дорогу. Пронеслись через проходную, снова незаметно переобувшись, оттуда через первый этаж по лестнице вниз и остановились перед неприметной дверью:

– Видимо, здесь! – сообщила Маруся. – Я, кстати, его ещё раньше заметила.

– «Репетиционный зал», – прочёл я вслух табличку.

Помнится, у нас раньше была группа старшеклассников, которые выпустились в прошлом году. Они, ещё играли на

танцах, причём не только в нашей школе, но и во всех окрестных.

«Так вот, где они репетировали – ну и ну!» – пронеслось у меня в голове.

Из-за двери еле-еле доносилась музыка. Настолько тихо, что я и расслышал не сразу – видимо, в помещении в своё время грамотно сделали звукоизоляцию. В общем-то, как иначе – репетиционный зал всё-таки. Лишь подойдя к самой двери, я понял, что играли на фортепиано.

– Там сейчас занято, – попытался я урезонить наш ходячий мотор, но куда там. Не обращая ни на что внимания, Маруся ракетой понеслась мимо меня, распахнула дверь и влетела внутрь. Музыка, ставшая было слышнее, мгновенно затихла. Мне ничего не оставалось, кроме как последовать за величеством в надежде хотя бы удержать её от глупостей. Так я попал в зал размером с обычный учебный класс или чуть больше. В противоположном двери углу помещалась ударная установка, у обшитых специальными панелями стен – пара больших комбо-усилителей. Ещё тут нашлись несколько школьных металлических стульев, две парты, вешалка для одежды и большой новый микшерный пульт.

А откуда же звуки фортепиано?

Осмотревшись пристально, я как-то вдруг встретился взглядом с девушкой, стоявшей за синтезатором. Просто непонятно, почему я не обратил на неё внимания раньше, когда мы только ввалились. Впрочем, фокус был не только в

этом. Главное – кем девушка оказалась.

Снежана Варяг.

В пустом репетиционном зале играла именно она. Играла до того момента, когда в зал влетела Маруся, а следом за нею и я. Теперь тихоня просто стояла и ждала, что мы скажем, и на её личике я не мог прочесть никаких эмоций.

Трудно поверить, но в тот день я впервые рассмотрел лицо Снежаны. До того я лишь отмечал про себя пепельное каре, низкий рост, хрупкое телосложение. Теперь я видел ещё и очень симпатичное личико: светлая кожа без намёка на румянец, тонкие брови, серые глазки. Загляденье – вот только смотрела она прямо перед собой, и было в этом что-то потустороннее. Словно она глядела не только на меня, но и сквозь меня и мимо меня одновременно. И при этом в мыслях оставалась где-то далеко. От этого мне сделалось не по себе, и, подозреваю, Марусе тоже, и, вероятно, чтобы забороть смущение, моя буйная однокласска выступила вперёд и выпалила:

– Привет! Я Маруся, это Яр! Можно, мы тоже будем здесь репетировать?

Потом маленькая ручка пианистки скользнула к кармашку на груди, извлекла оттуда очки. Так вот в чём был секрет странного взгляда – она просто не видела нас с Марусей как следует!

– Э... ты не против? – не выдержав молчания, пока Снежана возилась с очками, спросила моя стремительная спут-

ница, хотя – судя по интонации – это было скорее утверждение, чем вопрос.

– Нет.

И это был ещё один «прорыв»: я впервые услышал голос Снежаны Варяг.

– Кстати, привет! – попробовал я притормозить Марусю, дабы пустить беседу в цивилизованное русло. – Ты ведь Снежана из 10–«Б»?

– 10–«Б». Снежана. Варяг.

Понятно, что фамилии не выбирают... хотя, Снежана – вполне себе приятное имя. До чего же странно звучит – «Снежана Варяг»!

– Надо же, мы ведь ни разу не общались, хотя учимся в параллельных классах! – зачем-то ляпнул я.

– Действительно, – неопределённо ответила Снежана, и на её губках появилось подобие улыбки Джоконды.

– А это ты играла сейчас?

Снежана красноречиво промолчала.

«Понятно, глупый вопрос».

– Послушай, Снежана, мы хотим собрать рок-группу, но нам надо где-то репетировать. В этой комнате можно?

– С руководителем кружка договорюсь.

«Ничего себе, какая у неё реакция!»

– То есть можно?

Вместо ответа пианистка лишь слегка приподняла бровь.

«Понятно, ещё один глупый вопрос».

– А может, будешь играть у нас на синтезаторе? – Маруся, которой наскучила наша размеренная беседа, вновь пошла в атаку.

– Можно, – услышал я ответ Снежаны.

– Класс! Яр! Завтра приносишь гитару. После седьмого урока всем быть здесь, как штыки!

Вот так и вышло, что на следующий день я притащил в школу гитару. Здесь оговорюсь, что инструмент у меня уникальный, и его появление – отдельная история. Дело в том, что мой отец в молодые годы «зажигал» в группе и с тех времён у него остался отличный чёрный «Fender Telecaster». Ну, это помимо обычной акустики, на которой я разучивал аккорды. Так вот. Когда я загорелся желанием играть, то пристал к нему, как банный лист: учи, мол. И хотя со всеми разъездами папа почти не мог постоянно натаскивать меня, он оставлял задания для самоподготовки, которые я прилежно выполнял.

Долго ли, коротко ли, но прошлой весной мне захотелось другую гитару. Во-первых, чтобы была своя. Во-вторых, появилось личное предпочтение по модели – я захотел «Les Paul». Ну, вы понимаете, сколько стоит настоящий инструмент «Gibson». Это папа Милы Красновой такое, наверное, может себе позволить, а я не очень-то.

На помощь пришёл мой дед, генерал в отставке.

У него было простое правило: хочешь чего-то – действуй. Так у деда на даче появился новый сарайчик, а у меня – опре-

делённая сумма в кармане. На оригинальную гитару не хватило бы, конечно, но всё же.

Вы только не подумайте ничего плохого! Я и так помог бы дедушке сарай построить. Да и дедуля тоже никогда для меня ничего не жалел. Суть была в том, чтобы не «по щучьему велению» получить желаемое, а заработать на это своим трудом. Я не ребёнок! «Деда, купи мне гитару!» – это нормально для детского сада, а для десятиклассника не годится.

Взяв все накопления и заработанное, я отправился в магазин и... Та-дам! Она висела в уголке под табличкой «По комиссии». Ни царапинки. Красная дека из клёна, позолоченные звукосниматели. Взял послушать – звук просто восхитительный.

И за приемлемые деньги.

В чём подвох?

В том, что на «загрифнике» значилось: «Blaster», а не «Gibson».

Продавец сказал, что эту гитару принесли буквально пару дней назад, что вообще-то есть такая фирма – «Blaster», но у неё другой логотип. В общем, как-то так выходило, что инструмент мастерской, и даже, вероятно, сделанный не в России. И всё же никому не известный бренд не позволил назначить высокую цену.

Сомнительно, да?

Но покупать случайную китайскую гитару – всегда сомнительно, а у этого «Бластера» звук восхищал прямо-таки

неожиданно. Большими буквами: «ЗВУК». Сочный, яркий, с необычными обертонами. Поиграв совсем немного, я отметил удобство грифа и влюбился в этот инструмент окончательно. Что говорить – она просто сама играла! Деньги мне позволяли даже с небольшим запасом на мягкий кейс, и я немедленно купил всё в комплекте, включая ремень и провода. И конечно, сразу дал имя. Вы угадали: Бластер. Для полного счастья на день рождения я получил от родителей комбо-усилитель с аккомпаниатором, и мы с отцом несколько вечеров подряд устраивали настоящий джем, чем очень «повеселили» маму.

Я, конечно, понимаю, что снова увёл повествование в сторону, но думаю, иногда стоит отвлечься ради раскрытия темы. Скажем, теперь вы понимаете, как именно я отношусь к музыке, к гитарам вообще и к своему верному Бластеру в частности. Так что вот: я никогда не был мальчиком со скрипичным футляром. Я не топал в любую погоду в «музыкалку», не приходил в ярость от сольфеджио, и сам не доводил никого до белого каления, играя гаммы. Зато я влёт исполняю «Speed King» и «Fuel».

И девчачьи розовенькие песни не терплю!

То, что я влез в Марусину затею с группой, объяснялось лишь симпатичной мне девочкой-мотором и перспективой на новый необычный опыт. Так что интересный музыкальный материал, предложенный её высочеством, – большая удача. Сопливое нытьё, я, конечно, тоже поиграл бы, но бод-

рые боевики всё же как-то приятнее.

О моём увлечении гитарами одноклассники, конечно же, знали. Увидев меня с чехлом, они тут же сбежались и стали просить показать. Все, кроме её неугомонности Марины Светиной. Она лишь кивнула, увидев меня, сообщила, что «Сегодня – великий день!» и тут же смылась куда-то. Видимо, к подружкам. И так – на каждой перемене, да и по окончании уроков – тоже не усидела. Лишь в приказном порядке велела мне идти в репетиционный зал – и сразу унеслась, как на крыльях. «Вот ёлки-палки! Да зачем мне всё это нужно вообще?» – подумал я, собрался и выдвинулся на позицию.

Двадцать минут спустя я уже открывал дверь под лестницей во Дворце Пионеров. И вновь услышал фортепиано. И играли не Бетховена, как вчера, а почему-то «Under the Bridge». Помедлив немного, чтобы послушать, за дверью, я понял, что пропускаю действительно великолепное исполнение, а потому всё же аккуратно протиснулся внутрь.

Снежана играла, закрыв глаза. Маленькая пианистка увлеклась настолько, что немного раскачивалась и шевелила губками, напевая про себя. Кто бы мог подумать, что эта лиричная и печальная, и всё же довольно мужская песенка может нравиться маленькой хрупкой школьнице... в джинсовом комбинезоне и кедах? Погодите! А почему она не в форме? А вчера она была в нормальной клетчатой форменной юбочке и синем кардигане, нет? Или все же не была?

Да неважно это всё! Главное – до чего ловко играла! Умуд-

рялась вставлять какие-то дополнительные нотки, заполняя паузы, которых немало в этой песне. Пальчики парили над клавишами так быстро, что казалось, будто она играла не в две, а сразу в четыре руки. Интересно, а все виртуозы умеют вот так – чтобы рук почти не было видно?

«Эх, с такой клавишницей нам на стадион сразу можно выходить: все придут слушать её, а мы погреемся в лучах славы».

Я с блаженной улыбкой внимал божественной игре Снежаны Варяг, когда дверь отворилась и в репетиционный зал к моему огромнейшему удивлению «вплыла» божественная Мила Краснова, а следом с приветственными воплями ввалилась собственной персоной её шумное высочество Маруся Светина.

Нет, ну вы понимаете, да?

После уроков Мила Краснова всегда уезжала домой на машине. А тут она зачем-то осталась, да ещё Катю где-то потеряла.

Что я должен был заключить? Мила будет играть с нами в группе?

Повод удивиться, не находите? Так что я просто рот разинул и ничего не сказал. Даже не поздоровался.

– Ах, простите-простите, что мы без стука! – завопила моя бестактная одноклашка. – Представляю вам нашу басистку Милу Краснову!

– Неплохая тут у вас.... ТОЧКА, – сказала Мила, и

несколько раз моргнула, отчего её безмерное очарование стало ещё более безмерным.

– А то! Ещё какая! – ликовала Маруся, словно это она лично создала и зал, и его начинку. – Но и это ещё не всё! Та-дам!

И неугомонная командирша показала всем моток нового провода и какой-то модный микрофон, по виду, дорогой:

– Теперь вокал у нас будет звучать на уровне! – возвестила девушка с такой победной интонацией, словно она сама этот микрофон разработала и собрала.

– Как будто он у нас раньше звучал из рук вон! – едко заметил я, но Маруся пропустила колкость мимо ушей. Её увлечённость просто захлёстывала,

Сложнее обстояло с Милой. Пока командирша носилась и прыгала вокруг неё, разглагольствуя о несказанном величии нашей группы (о легендарной легендарности которой будут ходить легенды) красавица лишь осматривала оборудование и хлопала ресницами. Я даже заподозрил, будто наша «легендарная» вокалистка привела её обманом.

– Так, стоп! – повысил голос я, ибо творившийся вокруг дурдом начал раздражать. – Маруся, давай-ка кое-что проясним!

Все присутствовавшие девушки воззрились на меня, и я подумал, что вообще-то неплохо устроился, вписавшись в эту компанию милашек. А с другой стороны, а дальше-то что? Инициативу я захватил, теперь следовало развивать

успех. Я продолжил:

– Мы все здесь друг друга знаем, так?

Все кивнули.

– Хорошо! Представление проехали. Теперь вопрос по делу: Мила, сколько ты уже играешь на басу? Ну, по времени?

– Я не играю, вообще-то. Но Маруся сказала, ты меня научишь.

Я вытаращился на сумасбродку.

Та подняла указательный палец и глубокомысленно заявила:

– Мы не можем позволить себе случайных людей.

– Но учить...

– Ничего сложного! У вас есть целая неделя, пока я буду перерабатывать песни.

– Неделя? Да ты сбрендил? А как же кастинг и “нескончаемая очередь из кандидатов”? А как же “главный критерий – навык игры”?

– Ну, чего ты прицепился? – отвечала Маруся. – Всё бы тебе волокиту разводить. Снежана, куда здесь можно микрофон воткнуть?

А дальше случилось необъяснимое.

Нет, я не считал странным, что Маруся приняла за меня решения, даже не претендующие на реалистичность. В конце концов, когда мозги набекрень, откуда взяться здравому смыслу? Я не удивился и тому, что всё это время Мила Краснова стояла столбом посреди комнаты и хлопала глаза-

ми, глядя на безумствовавшую задаваку. Я о другом: стоило Марусе обратиться к Снежане, как Мила насторожилась и огляделась, словно раньше не замечала присутствия маленькой пианистки. Попросту не видела Снежану до того, как та вышла из-за своего синтезатора и проплыла к микшерному пульта, чтобы помочь с подключением микрофона. Секунду спустя рыжая красotka уже вернулась в нормальное состояние, но я-то заметил её кратковременное замешательство! К чему бы это?

Само собой, поразмыслить о подмеченном мне не дали, потому что Мила, пару раз кашлянув в кулачок, проговорила:

– Хорошо. Завтра я принесу бас. Э... Слава, не беспокойся: Маруся мне в общих чертах всё объяснила. Я, правда, действительно не умею играть на басу, но с удовольствием поучилась бы. Я очень постараюсь!

– Зови меня Яр, хорошо? – поправил я. Всё же именно к этому имени я привык. – А как же Катя?

– Катя не захотела участвовать в группе, – Мила мягко улыбнулась, – Она, как и я, ни на чём не играет, но учиться ей лениво.

«Вот незадача-то!» – саркастически промелькнуло у меня в голове.

– Ладно, я попробую научить тебя, хоть никогда никого не учил раньше. У меня нет фундаментальных знаний, только практика. Так что нотная грамота там, и сольфеджио всякое

– это только сама по учебнику.

Слушая меня, Мила очень ласково улыбнулась, и я осознал своё счастье. Стараниями безумной Светиной я теперь буду учить играть саму Милу Краснову. Один на один с её бесконечным очарованием. Буду ей говорить, что делать, а она будет мне отвечать – и сама задавать вопросы! Возможно, между нами даже завяжется МИСТИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИЦЫ!

О! Возможно, мы даже останемся наедине!

Остановись, мгновенье, ты прекрасно! Все парни умрут от зависти...

...или меня убьют.

Тем временем наша восхитительная «недо-басистка» продолжила:

– Мы можем учиться прямо здесь. Я думаю, что быстро освою инструмент. Надеюсь, буду вам полезной.

Если бы мы были героями аниме, после этой фразы она отвесила бы поклон!

– Красота! – подпрыгнула на месте Маруся. – А я уже и название группе придумала.

– Валяй, – сказал я, заранее прикрывая глаза ладонью. И к месту. Потому что Маруся, задрав вверх обе руки, заорала: «ПОЛУНДРА!»

Вот так. Ни больше, ни меньше.

«Полундра!» так «Полундра!» Развлекайся, Маруся.

Глава 2

Весь вечер я пребывал под впечатлением от событий долгого дня. Ничего путного на первой репетиции мы не сыграли, но каша заварилась – моё почтение. Репетиционный зал, внезапно созданная группа «Полундра!», молчаливая Снежана, психованная Маруся – и вот, в довершение всего, Мила Краснова, самая красивая девочка в школе, тоже с нами. Трудно поверить! Я как будто оказался героем аниме, а ведь ещё неделю назад и не мечтал о подобном. Завидуйте мне!

Завидуйте сильнее, ведь я буду учить саму Милу Краснову играть на басу!

И хотя сам на нём не играл, но отчего-то была уверенность: получится. Бас – это ведь тоже гитара!

От таких мыслей я не в меру воодушевился и всё грезил о том, как буду ставить нежные пальчики Милы на струны. «Погодите, у неё же, наверное, маникюр?! Да и кожа не успеет огрубеть за неделю – как же она будет играть?» – беспокоился Ярослав Сергеич на пустом месте. Так и витал бы в облаках, слоняясь по пустой квартире с бутербродом в зубах, если бы в дверь не позвонили.

Я никого не ждал вообще-то и потому был немного удивлён, когда на пороге оказался рассеянно улыбающийся секретарь пионерской ячейки.

– Привет, Яр, прости за вторжение. Можно войти? – и Иг-

нат Изюмов снова неловко улыбнулся, поджав губы.

– Привет! Это неожиданно немного.

– Понимаю. Но мне бы побеседовать с тобой и с родителями.

– Ничего себе! А их нет, они в разъездах по работе. А чего это тебе родители нужны? Я, вроде, ничего такого не делал.

В самом деле очень странно было, что этот деятель припёрся прямо ко мне домой. Адрес-то у него есть, разумеется, так что с одной стороны не удивительно. НО и телефон у него тоже есть – так почему без звонка? Какое вообще дело могло потребовать внезапного личного визита. Ну, вызвал бы во Дворец завтра – я бы пришёл с удовольствием. То есть, дело не терпит отлагательств что ли? Словом, личный визит на дом – это как минимум необычно.

– Ну, слушай, нет так нет. Тогда с тобой одним. Можно я войду всё же?

Я пригласил Игната жестом. Он ловко вынул ноги из кроссовок, оставил форменную куртку на вешалке и остановился с немым вопросом, куда проходить.

– Давай на кухню, что ли. Чаю будешь?

– С удовольствием, – кивнул Изюмов, и скоро он уже уютно устроился на кухонном мягком уголке за нашим круглым столом под абажуром. Пока грелся чайник, мы перекинулись парой будничных фраз, но любопытство всё же пекло меня изнутри, поэтому я спросил:

– Так в чём, собственно, дело?

– Дело в тебе, Ярослав, и в том, что мы до последнего не были уверены, что ты это ты, а сбор вашей группы уже не оставляет сомнений.

– Кто это мы? В чём уверены? И – вот это твоё “ты это ты” – это очень странно, знаешь ли, – сообщил я, доставая из шкафчика кружку для гостя.

– “Мы” – это Орден, – просто сказал Игнат, и я в момент лишился дара речи, да ещё к тому же чуть не выронил кружку.

Здесь надо пояснить, что “Орден” – что-то вроде городской легенды. Считается, что это боевое крыло Росконтакта, какое-то особое силовое подразделение, однако никто никогда ничего конкретного о данной организации не говорил публично. И вообще это несколько сомнительно, чтобы в XXI веке существовал какой-то орден, который бы назывался просто “Орден” и занимался не пойми, чем. Среди Пионеров он считался не более чем сказкой или даже своего рода мемом. Знаете, как всемогущее ФСБ у вас в розетке. Или как агенты Госдепа США в каждой подворотне: все знают, что этот самый Госдеп есть, все понимают, что раз он есть, то и агентов своих куда-то отправил. Но то, что такой агент может в буквальном смысле вести подрывную деятельность прямо у вас за спиной – это «Ха-ха, да не смеди меня! Какие здесь могут быть шпионы?» Словом, легкомысленное было отношение.

Само собой, нет дыма без огня, и какой-нибудь важный

учёный может позволить себе шуточки про агентов ровно до того, как, казалось бы, давно знакомый человек не предложит ему вагон денег за супер-важный государственный секрет. Тогда-то и окажется, что вчерашний мем сегодня сидит прямо перед тобой.

А пока Ярослав Сергеич искал на полу отвалившуюся от удивления челюсть, мой гость устроился поудобнее и развил мысль:

– Как ты знаешь, Росконтакт курирует Пионерскую организацию, но его основное направление – это всё же, как не трудно догадаться, контакты. Кто бы мог подумать, да. Возможные контакты, разумеется, как думает большинство. Что если я тебе скажу, что Росконтакт занимается реальными контактами с внеземным разумом, и это происходит уже много лет?

– Скажу, что это враньё, – отозвался я, будучи всё ещё в лёгком шоке, – Росконтакт работает вполне открыто, и, если бы какие-то такие вещи были, все бы об этом знали.

– Как о Пионерах? – лукаво спросил Игнат и улыбнулся. Он был прав: с Пионерами дело обстояло ещё страннее, чем с самим Орденом: организация функционировала открыто, в каждом районе работала ячейка, и существование Пионеров никто не скрывал. Тем не менее, телепередач о них (о нас!) не выходило, газеты и книги о них (о нас!) не писали – мы были словно кот Шрёдингера: то ли мы есть, то ли нас нет. Знают все и при этом не знает никто. Упомянешь в школе –

все кивают, словно понимают, что к чему, но сами никогда ничего не спросят и даже в дружеском разговоре эту тему никто никогда не поднимет. За все годы в организации разве что родители спрашивали меня о Пионерах и нашей ячейке. Для остальных мы были невидимками: ни тебе “имени Ленина” в названии, ни шествий со знамёнами. Странно, что вообще оставили слово “Пионер” – ради конспирации могли бы тоже заменить.

Точно прочитав мои мысли, Игнат молвил:

– Что если я скажу тебе, что само понятие “Пионер” – это прямой перевод слова “tir’alia”, которое пришло к нам из языка инопланетян-эльфов?

– Разыгрываешь? – я с облегчением выдохнул.

– К сожалению или счастью – нет, – тон Изюмова не переменился, – Давай так. Я сейчас тебе кратко обрисую самую суть положения, а потом ты задашь вопросы.

Я пожал плечами, молча поставил перед Игнатом кружку чаю, пододвинул к нему поближе вазочку с печеньем и уселся напротив на стул, всем видом давая понять, что готов слушать.

– Начну с того, что и так понятно: Марина Светина попала в наше поле зрения не случайно, и Росконтакт наблюдает за ней. На сегодня её личное дело передано из Севастопольского отделения к нам с поручением организовать максимально близкое наблюдение. Что не очевидно – так это причина повышенного внимания. Так вот, наш интерес связан с близо-

стью к ней некоторых очень непростых структур – пришельцев, если быть точным, о которых чуть позднее.

Он отхлебнул чай и продолжил.

– Принято решение задействовать ресурсы Пионерской организации, поэтому до тебя будут доведены сведения, составляющие пусть и не государственную тайну, но по крайней мере – это очень ДЕЛИКАТНАЯ информация.

На слове “деликатная” мне показалось, что в радужках Игната зажглось какое-то оранжевое или даже красное сияние, отчего сделалось немного не по себе. В принципе я знал, что у Пионеров могут светиться радужки, но сам лично пока не видел такого. Про Орден, к слову, тоже разное говорили. Хорошо, это продолжалось всего пару секунд, после чего Игнат, видя моё замешательство, перешёл, наконец, к сути.

– Ты задумывался о том, что в нашем мире практически нет магии?

– Вот это заход с козырей, – прокомментировал я, сейчас только подумав об абсурде происходящего: парень пришёл ко мне домой, пьёт чай и разглагольствует о магии и пришельцах. А он точно не под действием каких-то веществ?

– Я серьёзно: у нас нет волшебников, понимаешь? У нас есть Росконтакт, Пионеры, у нас есть аномальные зоны вроде лагеря Буревестник, есть, наконец, наш Орден, о котором ты, вероятно, слышал кое-что, включая не очень правдоподобные вещи. Но нет волшебников как таковых. Почему?

– Как наличие Ордена, государственной службы и ано-

мальных зон связано с волшебством? А твоё “волшебников как таковых” – это молнии, огненные шары, экспелиармус, вингардиум левиоса? – спросив это, я поднял бровь насколько мог и изобразил чайной ложечкой характерное для киношных магов движение палочкой.

– Именно. Ничего такого нет, как и собственно волшебников, – просто невероятно, как Игнат мог нести серьёзным тоном подобный абсурд, – А про то, как всё связано скоро поймёшь сам.

Его дурацкая полуулыбка неслабо раззадорила меня, и я взялся ёрничать:

– Колдунов вообще-то – полно!

– Шарлатанов – да. А настоящих? – Игнат как-то вдруг надул щёки, словно собирался поведать мне какие-то важные секреты. – В общем, так: наша планета – площадка для большого эксперимента, суть которого держат в секрете. Мы знаем только то, что на Земле искусственно ограничено использование магии. Люди Земли вынужденно заменили магию технологией, но остальная Вселенная устроена иначе. В других мирах волшебство в порядке вещей, потому магия пробивается и сюда. Прямое следствие воздействия магии – это существование Пионеров. Ты также знаешь, что количество Пионеров в последние годы очень сократилось, и над причинами учёные бьются безрезультатно до сих пор.

Картина начинала вырисовываться.

– И вот мы узнаём, что существа, из-за которых как раз

магия и ограничена, очень близко буквально курируют одного конкретного Пионера. С чего бы вдруг? И мы думаем, что Марина Светина – одна из величайших магических аномалий нашей планеты. Согласно нашим наблюдениям, Светина потенциально самый первый настоящий маг, родившийся на Земле.

Здесь я просто потерялся, о чём спрашивать, поэтому прикусил язык и продолжил слушать.

– Обнаруженная в ней способность влиять на пространственно-временные характеристики материи в настоящее время пребывает в спящей стадии, при этом мы считаем, что и это – лишь частный случай её прочих возможностей, которые в настоящее время искусственно подавляются.

– При чём тут магия? Способности пионеров вполне себе научны, по ним учебники пишут, в том числе и по искажениям пространства и времени. Майорову почитай, – пожал я плечами, напоминая секретарю ячейки об основах всех основ.

– Если со Светиной в наш мир придёт магия, то в сочетании с технологиями она может дать человечеству невероятный толчок в развитии, и именно это пытаются ограничить другие силы, – Изюмов как будто меня и не слышал. Зато, договорив, уставился на меня в ожидании чего-то. Видимо, чудес невозможных, как в песне.

– Это звучит как завязка для дурацкого кинокомикса, – я снова пожал плечами, как если бы у меня не осталось других

жестов, – Но давай дальше! Какие такие страшные силы заварили нам всю эту кашу?

– Условно – **ОЧЕНЬ** условно – их называют “ангелами”.

– О, боже мой! – я вложил в этот выдох весь возможный сарказм.

– Ну да, издевайся, – Игнат поиграл бровями, – Была у них привычка такая: появляться внезапно, сообщать конкретному человеку конкретную информацию о том, что делать, а чего не делать, а потом бесследно пропадать. Такие вот “вестники”. Другое мнение – что своим запредельным могуществом они вселяли священный трепет в наших тёмных предков на заре цивилизаций. Одно не исключает другого. Кстати, одна из них учится у тебя в параллельном классе – Снежана Варяг.

Я аж чаем облился. Тихоня? Маленькая пианистка Снежана? Да ну!

– А другая твоя знакомая, Милена Краснова, – добил меня Изюмов, – представитель уже других сил: упомянутых сегодня эльфов, которые по сути являются для нас инопланетянами, потому что населяют другие планеты. На Земле действует представительство их государства с небольшим штатом сотрудников разведки. Насколько знаю, даже существует вполне официальный пакт о ненападении с нашей страной.

– Вот никогда не поверю! – вступил я в первую стадию взаимодействия с новой информацией.

– При встрече попроси её показать уши, – невозмутимо

парировал Игнат.

– Да может, у неё пластика ушей! У её папы денег куры не клюют.

– Зачем бы ей это? Ладно, можешь не верить.

– Знаешь, что! – я просто задохнулся раздражением и даже гневом от слишком быстро нагрянувшей второй стадии усвоения новой информации. – Ты вообще так спокойно об этом всё рассуждаешь тут! Пришёл и втираешь мне какую-то дичь! Ангелы! Эльфы! Маги! Придумал тоже!

И тут же перепрыгнул на третью, начав торг:

– Давай ты уж сразу расскажешь мне, где скрытая камера и в чём заключается розыгрыш, а? Серьёзно, Игнат, может, хватит прикалываться? Мне не смешно! Просто покажи, куда смотреть, а я сделаю вид, будто супер-пупер-удивлён!

Исюмов глядел на меня поверх кружки и молчал.

– Да, блин! Какого чёрта ты с этим припёрся ко мне домой! – вернулся я на этап гнева, – Как ты вообще рассчитывал, что я поверю в такие сказки, а?!

Мои визгливые крики, вероятно, не впечатляли секретаря ячейки. Он поставил кружку на стол, накрыл её ладонью и молвил:

– Просто напомню тебе, что ты сам Пионер, и о том, что у некоторых людей бывают особые свойства, ты прекрасно знаешь.

Я сел, безвольно свесив руки по бокам.

– То есть, ты не шутил? – сказал я потухшим тоном, что

говорило о начале депрессии.

– Не шутил.

Помолчали. Выключился холодильник.

– И какова моя роль?

– Мы не в курсе, что намереваются делать ангелы и эльфы.

Они нам не докладывают. С завтрашнего дня я тоже присоединюсь к вашей группе. И дальше будем действовать по обстановке. Пока я тебе расклад сил довел, потом будет видно. Если попробуешь разговорить Краснову или Варяг – это будет большое дело.

– А почему я? И почему только теперь?

– Была оперативная информация, что здесь, в Петербурге у Светиной должна состояться какая-то очень важная встреча, которую ангелы тщательно готовили. Сначала мы думали про Цюрюпу – всё же там какое-то приятельство сложилось, и её активно обхаживали эльфы. Сейчас наша главная версия – это ты.

– Я – ваша версия, – задумчиво повторил Ярослав Сергеевич, – Знаешь что, Игнат батькович? Иди-ка ты в одно место.

Вместо обиды Изюмов расхохотался.

– Знаешь, что, Ярослав Сергеич? – сказал он, повторив мою интонацию, после чего быстро осушил свою кружку. – Давай поступим немного иначе. Я действительно пойду, хоть и в совсем другое место, не в то, куда ты б хотел, чтоб я пошёл. А ты сейчас по всему этому поводу загоняться особо не будешь. Успокоишься, выспишься, там, домашку сдела-

ешь спокойно. А в это время в голове всё уляжется, и ты уже завтра сможешь оперировать этими данным спокойно и без нервов – как чем-то само собой разумеющимся.

– Вот нормально. Пришёл, взбаламутил меня, а потом ещё предлагаешь не переживать, – Проговорил я сквозь зубы и не глядя на деателя.

– Отставить панику, – шутливо отозвался Изюмов и встал из-за стола, – спасибо большое за чай. Закроешь за мной дверь – и сразу станет попроще.

Последнюю фразу он произнёс каким-то особенным тоном, но я пребывал в таком смятении от полученных вводных, что даже не обратил внимания. Зато действительно как только Игнат ушёл, дышать стало спокойней. Как если бы он забрал с собой все тягостные думы.

Я налил себе ещё чайку, сел под абажур на то место, где секретарь ячейки только что вёл свои речи, и подумал о том, что это всё, конечно, очень странно, но тем не менее мало повлияет на меня лично. И уж всяко я не собирался посвящать всю жизнь возне со Светиной, хотя она вообще-то милашка, умница и вообще лучше бы это она пришла со мной чаю хлебнуть. Я б для неё с верхней полки коробку конфет достал.

Ну, а наутро мне вчерашний разговор с Изюмовым и вовсе показался каким-то полубредом, что, впрочем, не помешало мне рассуждать в духе “Эльфы – тоже мне новость? Магия – хорошо бы освоить.” Я даже привычно собрался, взял че-

хол с Бластером и побежал в школу, предвкушая, как Маруся-вихрь закружит меня с самого порога.

Однако я ошибся: нашему безбашенному величеству угодно было полоскать мозги вовсе не мне. У дверей в соседний класс она хохотала в голос вместе с Катей Цурюпой, а дивная Мила, пунцовая, как помидор, стояла рядом и хлопала глазами.

– Пошlostями какими-то в краску человека вгоняете? – приблизившись, спросил я вместо приветствия, украдкой поглядывая на Милены уши, которые не были видны из-за пышной причёски.

– Да вот, думаем, как по Фрейдю истолковать такой огромный бас Милочки, – отозвалась Маруся.

– И такой сравнительно небольшой инструмент у тебя, – прибавила Цурюпа, быстренько спрятав улыбку и кивком указав на висевший у меня на плече чехол. Я не обиделся, но, согласитесь, шутка была более чем вульгарной. Я считаю, что в приличном обществе подобные вольности неуместны. Наверное, Катя приняла меня за ещё одного желающего добиться благосклонности Милены Прекрасной, либо просто съязвила по инерции. Ни то, ни другое вообще-то не оправдывало её нисколько. Я уже собрался было ответить в крайне грубой форме, но Мила сама пришла на помощь:

– Не надо... – прошептала она, кладя ручку на плечо подруги, словно останавливая. Катя переменялась в лице – словно бы расслабилась, перестала хмуриться, и я поймал на

себе игривый взгляд её зелёных глаз.

– Ах, ну да: раз с чехлом, то ты, должно быть, в группе. Слава, да? – сказала она и поправила причёску. Я отметил, что её стриженные блондинистые волосы были красиво уложены, словно она только что из салона. Хоть времени было восемь утра с небольшим.

– Как будто впервые встретились, – огрызнулся я, всё ещё недовольный остротой. – Зови меня Яр. И шути, пожалуйста, осторожнее.

– Ну, извини уж! Это я по привычке, – пожала плечами девушка. – Моя Милочка привлекает всех, в том числе полных уродов. Приходится отбиваться, как можем.

Я хотел возразить, напомнив об элементарных приличиях, но зазвенел звонок, и мы все разбежались по классам.

Учёба промелькнула почти незаметно. Ни к чему скрывать: я с нетерпением ждал, когда же смогу отправиться в нашу репетиционную комнату и попробовать что-то сыграть уже всем вместе.

Во дворце, топая вниз по лестнице, я снова услышал музицирование Снежаны Варяг (вот всё же фамилию Бог послал!). Сегодня она исполняла «Fly Me to the Moon», любимую песню моей мамы. Я и сам всегда слушаю эту композицию с удовольствием, потому не стал дожидаться, а тихонечко зашёл, стараясь не мешать маленькой пианистке.

Как и раньше, играла Снежана виртуозно, обрабатывая мелодию на лету. Только что был джаз, а со следующего так-

та – ритм-н-блюз, а потом в проигрыше между куплетами – почему-то реггей. Или это был не реггей, а тоже какой-то джаз?

Впрочем, моё появление все же нарушило настроение, потому что скоро Снежана остановилась и уставилась на меня.

Неловкая пауза, да уж. Особенно с учётом того, что о ней вчера сказал Игнат.

– Привет! – сказал я неуклюже и занялся гитарой: надо было срочно начать что-то делать. Ну, хотя бы чтобы не думать о маленькой пианистке как о каком-то там нездешнем могущественном существе. К сожалению, обстановку это не разрядило нисколько, и оттого, покопавшись немного, я всё же поднял взгляд на Снежану. Она, точно манекен, стояла за синтезатором, глядя перед собой нагоняя на меня эффект зловещей долины. Странная девочка. Вопросов к ней у меня накопился вагон, а я всё не мог собраться с духом и начать беседу. Знаете ли, это не просто, спросить у человека, не инопланетянин ли он. Например, если она всё же обычная странная школьница, такой вопрос мог быть истолкован как угодно. А ещё в этом случае кое-кто бы в ухо получил, несмотря на должность.

– Ты действительно круто играешь! – я предпринял вторую попытку снять напряжение. – Училась или учишься?

– От природы.

– Ничего себе! И ты все эти аранжировки...

– Придумала, – прошептала пианистка.

«С ума сойти! Вот это талантище!» – поразился я, но вслух спросил:

– А синтезатор тут о-го-го! Неужели местный?

– Мой, личный, – еле слышно отозвалась девушка.

– Звук шикарный. Дорогой, поди?

Не ответив словами, Снежана покачала головой, округлив губки. «Очень дорогой», – догадался я. И совсем уж было собрался следующим номером выпалить тираду об услышанном накануне от Изюмова, как хлопнула дверь, и в зал ввалилась Маруся Светина в обнимку с красоткой Милой.

– А вот и мы! – возвестила она, как будто это было кому-то нужно. – Яр и Мила, принимайтесь за освоение баса, а мы со Снежаной займёмся аранжировками.

– Попробуй меньше командовать и больше договариваться, хорошо? – попытался я остудить горячую голову, впрочем, жаловаться не приходилось. Мне ведь предстояло провести время в обществе Милены Прекрасной, так что любое недовольство вышло бы лицемерным.

Пока я настраивал Бластер, рыженькая голубоглазая прелесть хлопала ресницами, сидя на стуле напротив. И, скажу я вам по секрету, было ужасненько трудно не отвлекаться на её коленки. Что ни говорите, а я очень удачно устроился!

– Ну, давай посмотрим на твой бас, – сказал я, закончив со своей гитарой, и Мила вручила мне тяжёлый футляр. «Минуту, она что, таскала его на себе весь день? На этих-то хрупких плечиках? А девочка-то не так проста, как можно было

бы подумать», – посетило меня подозрение, но спрятав его, я расстегнул молнию. Вообще-то я ожидал очередной странности и не ошибся! На гриффнике роскошного красного баса красовался логотип «Blaster», точно такой же, как и на моей гитаре. Совпадение? Нигде в городе я больше не видел инструментов этой марки.

Да что там! Я и в Интернете ничего подобного не смог разыскать. И вдруг именно такой принесла в нашу группу Мила Краснова, прекраснейшая из ныне живущих школьниц! У кого-то остались сомнения?

На сей раз спрятать чувства не удалось, и вид у меня был столь озадаченный, что Мила всё поняла без слов. Её расчёт наверняка состоял в том, чтобы послать мне некий сигнал: ясно же, что я бы обратил внимание на эмблему изготовителя. Невинно-рассеянное выражение пропало с её личика, она украдкой оглянулась на занятых девчонок и быстро приложила пальчик к губам.

Подыграть ей?

Я лишь кивнул: мол, позже обсудим. Она повторила моё движение в знак согласия, а мгновение спустя уже снова бессмысленно улыбалась, глядя на то, как я занялся с её инструментом. Поскольку струны даже не пришлось подтягивать, я довольно скоро передал Миле её таинственный бас и тихонько объяснил настройку. Потом подключил к одному из комбо и показал пару начальных упражнений, а Мила послушно выполняла всё, что я говорил, время от времени восхищённо

вздыхая. Со стороны могло показаться, что она и вправду в восторге от нового и неосвоенного занятия, но я-то уже знал: и на неё и её инструмент завязан какой-то секрет. Оставалось лишь дожидаться удобного момента и порасспросить.

Негромкий стук заставил нас всех поглядеть на дверь, и в неё тут же вплыл тот, кого лично я уже устал дожидаться.

– Привет! Я Игнат, вы же ищете барабанщика?

Ну и жук! Ты ведь знал об этом раньше меня! Да что там – это ты через меня практически подал Марусе идею, интриган доморощенный! Ну, или по крайней мере меня во всё это впутал, что и запустило процесс. А если придумывать правдоподобную легенду, то ты ещё больше опозорился: да, наш ходячий ядерный реактор ещё утром прикрепил объявление на двери в гардероб, так ведь это в школе было! Откуда бы тебе знать, деятель! Положение надо было срочно спасать, и делать это пришлось – кому бы вы думали?

Наскоро пожав Игнату руку, я представил его как секретаря нашей Пионерской ячейки, и, разумеется, Маруся сразу поняла, о ком речь. Соответственно, пока я вернулся к обучению Милы, наша неуёмная лидерша мгновенно и полностью завладела вниманием вновь прибывшего, напав с расспросами и воплями восторга. Наблюдать за Марусиными выкрутасами лично мне не хотелось. Милены ВОЗМОЖНЫЕ тайны (и колени!) – вот и всё, что имело значение для меня в тот момент. Маруся же не терялась и, вызвав у Игната, где и как тот учился играть, принялась показывать ему

установку, попутно невнятно объясняя что-то про концепцию группы.

У нас есть концепция? Мы б хоть одну песню освоили!

Наигравшись в идеолога, Маруся взялась представлять участников.

– С нашей клавишницей ты, конечно, знаком! – указала Маруся на девушку за синтезатором. Услышав это, я напрягся и поспешил перевести взгляд с Милиных пальцев на Игната. Ожидания оправдались: этот деятель, по ходу, в первое мгновение даже не понял, о ком и о чём речь. Потом проследил направление, указанное Марусей, и, наконец, увидел Снежану.

Пепельноволосая девочка слегка кивнула и осталась неподвижной.

– Ах, да! – нашёлся Игнат. – Снежана, привет!

“Кем он там её считает, напомните, пожалуйста!”

– Вот, мы готовим себе басистку! – молвила Маруся, после чего подскочила к Миле и в порыве умиления кинулась обнимать голубоглазую красавицу, вереща от восторга:

– Правда, она у нас красоточка! Красопеточка! Ми-ми-милашечка!

Мила покраснела и вцепилась в бас, но распалившуюся сумасбродку это не заботило.

– Перестань, не смущай человека! – вмешался я с неподдельным возмущением. – Ты нас отвлекаешь!

– Ой, да прямо... Милочке очень нравится обниматься,

правда! – провизжала Маруся, тиская свою жертву, которая лишь мямлила что-то невнятное про «вдругойраз» и «ястес-няюсь».

– Какие у вас тут дела интересные, – прокомментировал Игнат. Как будто твоё мнение кто-то спрашивал! Лучше бы помог, птица-секретарь!

Куда там! Пришлось самому отложить гитару, подняться со своего места, подойти и собственноручно оторвать Марусю от Милы. Только это вернуло мою взрывную одноклассницу в относительно адекватное состояние.

– До чего ж она милая! Хотя я и не парень, но даже я от неё просто балдею, – бубнила, оправдываясь, Маруся. Ничего себе, оправдания. Лучше б молчала уже!

Из неловкого положения нас выручила Снежана. Улучив момент, она возникла рядом с новоприбывшим барабанщиком (да что там «рядом» – прямо-таки вплотную к нему) и без затей предложила:

– Покажи, как играешь.

Игнат для вида стушевался, и даже вроде как вдохнул, чтобы начать отговорку, но маленькая пианистка его и тут опередила:

– Вот, – протянула она ему палочки. Фактически сунула в лицо.

– А что играть-то? – деваться Игнату было некуда.

Снежана не ответила, а перевела глаза на меня. Нет, никакого вопросительного взгляда, просто дала понять, что вы-

братъ должен я. Означало ли это, что она преспокойно могла сыграть любую песню? Не сомневаюсь. Ну, ладно, нужно определяться.

– «Smoke on the water» хотя бы, – ляпнул я наугад то, что гарантированно все знали. Вообще-то, насколько мне известно, если сыграть эту песню при покупке гитары, вас могут выгнать из магазина. Но в тот момент ничего другого мне в голову не пришло. Клавишница чуть-чуть кивнула и удалилась за синтезатор. Игнат устроился за барабанами и пару раз попробовал педаль, а Мила и Маруся уселись и приготовились слушать. Удивительно, но девочка-мотор даже не кинулась обниматься к нашей скромнице. Напротив, сейчас как никогда она стала похожа на нормального человека. Наверное, сказались ожидание и нетерпение вкупе с опасением за результат.

На мгновение установилась тишина, а потом Изюмов отсчитал ритм, и мы начали.

Эх, до чего же славно звучит мой Бластер! Я сыграл первые два такта, когда немного несвоевременно включилась Снежана, и музыка подхватила меня. Впервые я чувствовал такой подъём: пальцы сами летали по грифу, позволив мне насладиться звучанием в полной мере – и я почувствовал удивительную свободу. Вступление тем временем несколько затянулось, а мы словно ждали чего-то. Чего? Именно того, что случилось, стоило Игнату брейком обозначить начало куплета. Ёрзавшая и раскачивавшаяся в такт Маруся вих-

рем подорвалась с места, в руке у неё оказался микрофон, и тютелька в тютельку в нужное мгновение она запела.

Голос заполнил зал, повёл мелодию без малейшего плавления по тону. Чистейшее произношение. Восхитительной красоты тембр. Весь отечественный рок-бомонд должен совершить харакири! Вдобавок ко всему Маруся пританцовывала, и была столь прекрасна, что... что... Да кто ж его разберёт, что! Я и слов-то таких не знаю, чтобы все восторги выразить. В общем, слившись с музыкой, я окончательно расслабился и тоже стал немного приплясывать.

А на втором куплете я услышал бас.

Маруся – та плясала лицом ко мне, да к тому же пела, так что не замечала и не слышала ничего вообще, но и я, и Изюмов, и даже Снежана – все мы видели, как Мила взяла свой громадный бас на колени и аккуратненько щиплет струны. Никаких ухищрений – самая простая партия, только чтобы поддержать барабаны, но тем не менее. Мила играла. Девочка, которая утверждала, что сегодня впервые взяла в руки... Стоп, о чём это я? – у неё был инструмент «Blaster», то есть дело нечисто изначально.

Ладно, разберёмся позже, а сейчас время джема. Маруся скомандовала: «Соло!!!» и я сыграл пару заученных пассажей. Ну, не умел я тогда импровизировать как Снежана! Позже – тоже не умел. Кстати, именно она вновь взялась отдуваться за всех: признаюсь, игры такого уровня и партии такой сложности я не видел и не слышал нигде. Пожалуй,

даже на концерте самих «Deep Purple».

В итоге и без лишней скромности фраза «худо-бедно отыграли» к нам никак не относилась. Отыграли мы на сто пять баллов из ста. Игнат не сбился, Снежана показала экстра-класс, а я просто без ошибок сыграл то, что давно заучил. На коде Мила быстренько отставила бас и (не показало ли?) подмигнула мне. Ну что ж, дождёмся объяснений после. А пока – финальные аккорды.

В воцарившейся по окончании коды тишине я слышал, как тяжело дышала Маруся. Впрочем, отмалчивалась она недолго:

– Ура! – закричала она. – Вот это класс! Да с такой игрой мы можем сразу выступать на любых площадках! О нашей группе услышат во всём мире! С нами заключат многомиллионные контракты, место в Зале славы рок-н-ролла нам уже обеспечено!

Потом она опомнилась:

– Мила, а ты что, подыгрывала нам на басу?

Глаза Милы расширились, но ответила почему-то Снежана:

– Это была я.

Товарищи, это что же делается! Ничего себе она врать горазда! А главное – зачем? Нет, что-то в этой команде не так, и я намерен выяснить.

Мучился вопросами я недолго. Несмотря на восторги нашей командирши, Игнат засобирился и предложил порепе-

тировать завтра, когда будет больше времени. Без барабанщика Маруся посчитала своё дальнейшее присутствие бессмысленным и умотала в обычной манере, а следом за ней засобирались и Мила со Снежаной.

Пока эти две красавицы не свинтили, я пошёл в атаку:

– Мила, зачем скрывать, что ты умеешь играть?

Божественная Краснова потупилась и отвела глаза. И – промолчала.

– Снежана, а ты зачем соврала?

Тоненькая пианистка поглядела на меня ничего не выражающими глазами БЕЗ ОЧКОВ, после чего спокойно прошествовала к двери и вышла, проронив лишь едва слышное «до завтра».

Стало совсем тихо.

Мила сидела неподвижно, положив руки на колени. Она здесь до скончания времён будет торчать? Или она чего-то ждёт? Ну что ж, мне сегодня торопиться некуда.

– Игнат сказал, что ты – эльфийка, – ляпнул я невпопад без предисловий.

«Идиотина! ЧТО ТЫ НЕСЁШЬ???» – включился внутренний диалог.

«Сам ты идиотина. Что если Изюмов правду сказал?»

– Честно говоря, я даже не знаю, как начать такой разговор с тобой. Понимаешь, Земля как планета – далеко не единственный обитаемый мир. Есть много планет, на них обитает множество народов. Но пространство космоса многомерно,

и это позволяет сближаться мирам, отстоящим друг от друга на миллионы световых лет.

Как вы думаете, что я чувствовал, выслушав это? Верно, я был в шоке: в ответ на мой довольно абсурдный вопрос Мила вместо недоумения и негодования, вместо обоснованных сомнений в моём психическом здоровье и даже вместо прямого ответа “да” или “нет” – на серьёзных щах взялась нести какую-то наукообразную белиберду! Взяв себя в руки, я твёрдо решил слушать молча и до конца.

– Искривлять пространства можно так, что между мирами открываются стабильные тоннели. У всех народов есть особые проводники, которые обладают способностью такие тоннели создавать и поддерживать. Они и называются *tir'alia*, или же Пионеры.

– Пионеры. Ясно. Вопрос был лично о тебе.

– В Конфедерации обитаемых миров есть служба разведки, «shif-taeri». На Земле мы пользуемся словом «Шифтеры» – это просто созвучие. Мы не только изучаем возможные сближения миров, мы анализируем допустимость таких процессов и – в зависимости от результатов – способствуем, либо... препятствуем сообщению между мирами, а также осуществляем разведку.

– Космические корабли перехватываете, – неловко пошутил я, но Мила и не думала смеяться.

– Корабли пытаться перехватывать бесполезно – космос слишком велик. Но путешествовать между планетами на

обычных звездолётах – бессмысленное занятие. Слишком большие расстояния. А в параллельные вселенные так и попросту не долететь. Самый доступный способ сообщения – через тоннели. Корабли мы строим тоже с функцией прямых переходов.

Она остановилась, словно давая мне переварить информацию или прочесть в энциклопедии, что такое этот их “прямой переход”.

– Ну, допустим, я тебе поверю. И что тогда тут происходит? Как это связано с гитарами и игрой на басу, которую почему-то нельзя показывать Марусе?

Предчувствуя, что разговор затянется, я уселся на стул. Мила напротив – встала.

– У нас есть свои методы. Мы уже несколько лет ведём наблюдение за Марусей. Мы знали, что она переведётся именно сюда, поэтому меня внедрили.

– Внедрили? Да ты уже который год учишься у нас! Зачем агентов внедрять так задолго?

– Это может быть не совсем правдой, – странно покачала головой Мила, как будто объясняла всё младенцу, не способному понять глубину мысли, – Кроме того, у нас несколько иной подход ко времени. Мы живём так долго, что кажемся людям бессмертными. Поэтому внедрить агента за годы до нужного события для нас не странно. Я не говорю, что в нашем случае мы действовали так.

«Пропущу это мимо ушей. Потом спрошу».

– Ну, и?

– Мы установили, что воля Маруси очень сильно искривляет пространство, меняет течение времени. Изменения колоссальны: ей по силам не только сблизить, а даже совместить несколько миров. Это не просто исказит баланс Вселенной. С высокой вероятностью, это разрушит твой мир, и не только его.

– Смешно. И что вы с этим намерены делать?

– Маруся Светина не знает о своей способности, все искажения она вызывает непроизвольно в периоды душевных волнений. До недавнего времени нам удавалось экранировать её, однако по мере развития её способности наше оборудование перестало справляться. Всё, что осталось – беречь её от грустных мыслей и депрессий.

– Так вот откуда такая прыть? – догадался я. – Вы занимали её всю жизнь, не давали скучать, и тем самым натренировали во всех возможных областях?

– Практически да. И, тем не менее, наши расчёты дали сбой: прибыв сюда, она проигнорировала все заготовленные нами варианты активностей. Собранная вами группа – настоящий подарок судьбы, – Мила умолкла и выжидающе воззрилась на меня.

– Или заготовка от конкурентов. Дай угадаю: твоё ведомство – как там его – не может просто взять и радикально решить проблему? Нехорошо так говорить, но если Маруся так опасна для целых миров, то почему она до сих пор жива?

Или не изолирована где-нибудь, где безопаснее? И – в конце концов – почему до сих пор не случилось никакого катаклизма? Не верю, чтобы Маруся ни разу не грустила за всю свою жизнь! Не переживала несчастной любви, например. Как-то очень халатно вы действуете, прямо скажем, для такой серьёзной... э... проблемы.

Я закончил свою длинную речь и откинулся на спинку стула.

Цель, как мне казалось, была достигнута: своей железной логикой я должен был заставить Милу прекратить, наконец, фарс и признать, что я раскусил её, а всё сказанное – не более чем розыгрыш.

– Видишь ли, – Мила невозмутимо пустилась в объяснения, расхаживая по залу, – пока тебе даются только самые базовые данные. Всю картину рисовать – это надо не один час потратить. В двух словах, мы бы никогда не стали убивать Пионера: его смерть неизбежно вызвала бы непредсказуемые последствия, и такой печальный опыт уже есть. Если же её изолировать – она может погрузиться в депрессию, и как раз это грозит неприятностями. По той же причине мы не можем раскрыть ей всех карт, как обычно это делаем Пионерам. Мы всё ещё не определились окончательно с кругом доступных ей миров. Некоторые подозревают, что это все обитаемые планеты и не только. В таких условиях её целенаправленные опыты опасны. А если она и вправду научится использовать свою силу – станет обладательницей слишком больших воз-

возможностей. Ты вот сказал, что катаклизмов не случилось – так это только на Земле! Мы же видим несколько другую статистику, поэтому и обеспокоены так сильно. Сегодня лучшее, что мы можем, – поддерживать хрупкое равновесие. К тому же – и это тоже очень существенный фактор – её очень близко курирует... ещё кое-кто, и у нас попросту связаны руки.

– Ангелы?

– Ангелы. Тебя инструктировал Орден?

– Так точно.

– А кто такие Орден ты знаешь?

– В смысле?

– В смысле что они не люди.

“Та-ак!..”

– Не люди? А кто же?

– Вампиры, – Мила улыбнулась наимилейшим образом, типа, вот и живи теперь с этим. Впрочем, то ли от нервов, то ли от обилия информации, то ли от того, что мой привычный реальный мир пытались превратить с непонятное фэнтези, я даже захихикал и саркастически переспросил:

– Хочешь сказать, что они спят в гробах и кусают девок в шею по ночам?

– Ну не совсем, конечно, – Мила подстроила свой голос под мой, повторив интонацию, – Такие вампиры называются “Высшими”, и формально они вполне живые существа, магические мутанты. Игнат Изюмов, который только что здесь

был, вон даже днём при солнечном свете ходит по улице. А кровь им вообще, можно сказать, нельзя: они от неё впадают в безумие и становятся монстрами.

– ИГНАТ?

– Игнат, – пожалала плечами Мила, и тут же переключилась, – Кстати, раз уж на то пошло, то правильно говорить не “эльфийка”, а “эльфка”.

И она, откинув волосы, показала мне ухо.

«Японский городской!» – про себя заорал я и аж подскочил со стула. Ухо было остреньким. Не таким, как рисуют в компьютерных играх, конечно. Там уши эльфов больше напоминают антенны. А здесь – обычное такое маленькое аккуратное ушко. Только остренькое.

– Теперь веришь?

Горжусь – я нашёлся с ответом:

– Пластическая операция ещё ничего не доказывает.

– Ну, ладно, – сказала Мила, поднимаясь с места, – Как знаешь. В конце концов, вера мало что решает, когда факты уже лупят по голове арматурой. Пока.

Забросив, точно пушинку, на плечо футляр с огромным тяжеленным басом, Мила Краснова вышла из зала, оставив меня несколько обескураженным наедине с мыслями. В том числе и про арматуру. Странная метафора для взаимодействия с фактами. Кто так вообще говорит?

Я сел.

Вчера Игнат, а сегодня – Мила, рассказали мне какие-то

совсем невероятные вещи. Как поверить в такое? Это ж антинаучная фантастика какая-то. Фэнтези. Эльфы из космоса. «Вархаммер 40 тысяч», тоже мне!

Агент эльфийской разведки.

Или нет – правильно говорить «эльфской», получается, так?

Которую забросили сюда за годы до поступления в нашу школу Маруси. Подождите-ка! А правда – КОГДА она появилась? Допустим, три года назад – это же седьмой класс! И что, никто не заметил, что девочка слишком взрослая для седьмого? Это же бред! А в прошлом году я её помню – обычная девчонка, даже такой сверхъестественной красоты, как сейчас, не было. Когда сказала, мол, возможно, это не совсем так – означало ли это, что они просто манипулируют памятью, и никакой Милы здесь не было ни в прошлом, ни в позапрошлом году?

И как в такое верить?

Нет, точно врёт она. Или ещё хуже – потешается. Она со своей Цурюпой – два сапога кеды. И с Изюмовым наверняка сговорились просто! Тоже мне ПРАНКЕРЫ! Что подруга пересмешница, что эта. Даром что красивая, а лапшу на уши вешает профессионально. Да ещё пластику сделала, чтобы за эльфа сойти. Сумасшедшая!

Впрочем, что говорить – вон некоторые себе клыки наращивают на зубах, чтобы за вампиров сойти. И конечно, она за всей этой околесицей так и не пояснила про бас и про то,

почему нужно прятать от Маруси умение играть.

– Это объясню я, – услышал я тихий голос Снежаны. Маленькая пианистка была тут как тут, хотя ранее она точно вышла. А вообще – чего-то подобного следовало ожидать! В конце концов, мне тут пытались выдать за правду, что Мила Краснова – эльфийка (эльфка!) и агент инопланетной разведки, Игнат Изюмов – вампир, Снежана – какой-то там “ангел”, а Маруся – вообще то ли супер-маг, то ли супер-Пионер. Как будто второе отменяет первое. И если уж меня решили коллективно разыграть, то, наверное, задействованы были все. Даже вечно читающая тихоня.

А это, кстати, похоже на отдельное пробитие дна! Если в розыгрыше участвует даже нелюдимая маленькая пианистка, то дела Ярославсергеича, должно быть, совсем плохи.

– Ну что же, я слушаю, – ответил я, выдержав совсем небольшую паузу – хотел взглянуть на лицо пианистки. Думал, может, удастся что-то прочесть по выражению. Ох, наивный я дурень. Эта девочка непробиваема, как шкура немейского льва (если здесь уместна такая метафора). Её личико почти совсем неподвижно, точно фарфоровый лик куклы, а глаза пусты, как будто оттуда на тебя смотрит сам космос.

Снежана отступила на пару шагов и неожиданно взмахнула руками, словно собиралась начать дирижировать. А после того, что произошло далее, смирившийся я уже был готов поверить даже в инопланетных эльфов. Знаете, почему?

Потому что стены нашего репетиционного зала раздвинулись, а потолок ушёл так высоко, что потерялся из виду. Честное слово, мне не почудилось!

Над Снежаной возник белёсый полупрозрачный кристалл, похожий на карандаш, заточенный с обоих концов.

– Вселенная очень многогранна, – проговорила Снежана и сделала руками плавное движение. Кристалл повиновался ему: в разные стороны разошлись многочисленные ответвления. Секунда, и вот уже наше «наглядное пособие» превратилось в огромный шар, внутри которого блестели миллионы мельчайших граней.

– Пространство и время не однородны, материя в знакомом тебе понимании – не абсолютна. Бывают другие материи с другими характеристиками и пространства, и времени.

Я должен был что-то сказать, верно?

Я понял, что просто обязан что-то сказать.

Не молчать! Это наваждение – гипноз ли, или Снежана взаправду раздвинула стены – всё в равной степени удивительно и в представления об обыденности не вписывалось. Это фантастика какая-то! Так что надо реагировать.

Примерно так я лихорадочно думал.

И не нашёл ничего лучшего, чем выпалить:

– А КАКОЕ ЭТО ИМЕЕТ ОТНОШЕНИЕ К НЕОБХОДИМОСТИ СКРЫВАТЬ ОТ МАРУСИ УМЕНИЕ МИЛЫ ИГРАТЬ НА БАСУ?

– Никакого, – ответила Снежана, и комната мгновенно

стала прежней.

– Чего? – не понял я.

– Агент эльфской разведки, известный тебе как Мила Краснова, действует по заданию своего руководства, у которого есть специфическое видение развития отношений в группе. Соответственно, агент лишь выполняет данные ему указания.

– Не проще ли тогда совсем не притрагиваться к басу? Зачем она играла? – упорствовал я.

– Она не умела до сего дня. У эльфов природный талант к музыке. Ты показал ей достаточно, чтобы она разобралась и смогла играть, – пояснила Снежана.

– А зачем помогла ей? Зачем было врать, что это ты? – не мог я уgomониться.

– Она дала понять, что это необходимо. Нельзя было позволить ей отклониться от поставленной задачи.

– Задачи развлекать Марусю, чтобы она не разрушила какие-то обитаемые миры?

– Задачи по удержанию Маруси Светиной от чрезмерных изменений характеристик вселенной, – кивнула девушка.

– Чего? – не понял я.

– Никакие данные не появляются из ничего, – механически затараторила Снежана, точно заранее заученный текст, – Усилия воли разумных существ могут влиять на материю, способны менять её свойства и в итоге образовывать физические воплощения идей. Марина Светина обладает уникаль-

ным разумом, который способен манипулировать гигантскими объёмами данных, поэтому его потенциал по изменению пространственно-временной структуры Вселенной практически безграничен. В этой связи Шифтеры не до конца осознают последствия своих действий.

Как-то это не очень всё клеилось у меня в голове. Фрагментов информации много, а картинка всё не складывалась. Потому я продолжил спрашивать:

– Мила говорила, что Шифтеры занимаются чем-то вроде наведения порядка в межпространственных перемещениях, это разве не так?

– Далеко не единственная функция. Главная – предотвращение угроз мирам, где эльфы являются доминирующим разумным видом. Они не заинтересованы ни в раскрытии потенциала Марины Светиной, ни в интеграции народа твоей планеты в сообщество других обитаемых миров.

«Послушать Снежану, – думал я, – так Мила на самом деле работает отнюдь не во благо нам. Может, она что-то и спасает – планеты там какие-то – но, выходит, это всё за счёт сдерживания развития человечества?»

– Милена Краснова – всего лишь агент, её руководство даже не рассматривает сохранение её жизни как приоритетную задачу. В случае опасности Милена Краснова выступит как союзник. Однако безоговорочно верить в её слова не следует.

«Она что, мои мысли слышит?» – задался я вопросом.

– Да, – кивнула Снежана.

«Блин!» – подумал я совсем другое слово.

– Не ругайся, – девушка покачала головой.

– Снежана, хорошо, допустим, я во всё это верю и принимаю игру, так? Что дальше?

– Веры не требуется, – пояснила девушка, – обстоятельства таковы, каковы они есть. Если положение разовьётся *скверно*, тебе придётся действовать, а не рассуждать о вере.

Я не шучу, он сказал слово “скверно”!

– А кто же ты тогда и какова твоя роль? – спросил я, наконец, хотя вопрос этот грыз меня изначально.

– Я – Снежана Варяг, ангел-хранитель Марины Светиной.

«Вот так вот. Ангел-хранитель. Однако!»

– А ты... это... у тебя крылья есть? – уточнил я.

– Демонстрация бессмысленна.

– А до этого? Ты ведь устроила целое шоу! – упорствовал я.

– Так было нужно, – Снежана оставалась невозмутимой.

– Чтобы я отнёсся серьёзно?

Вместо ответа «ангел» кивнул. Или кивнула? Непонятно, как правильно! Да и не хотел я особо размышлять. Голова шла кругом: внезапно выяснилось, что я вписался в группу, в которой помимо меня уникам вселенского масштаба, её личный ангел, непонятный живой вампир, которому нельзя кровь, и ещё разведчица-эльфка! И, как будто этого недостаточно, какие-то «стороны» ведут подковёрную борьбу во-

круг нас.

– Так всё же Маруся – она кто? – спросил я.

– Мы не знаем, – ответила Снежана. – Возможно, она – Создатель вселенной. Или Пересоздатель.

Я был готов закричать. Мне только что сообщили, будто Маруся – возможно – БОГ? Это ж ересь и богохульство какие-то! Или меня, что называется, троллят? Или всё вместе?

«Нет уж, погодите-ка!» – совладал я с эмоциями и задал следующий вопрос:

– Что значит, «возможно»? Ты что, не знаешь своё начальство? Ты же ангел!

– У нас всё немного не так, как ты привык думать, – пояснила Снежана. – В любом случае, мы не уверены.

«Разбудите меня кто-нибудь! С другой стороны, я уже впрягся...»

– Ладно, что от меня сейчас требуется? Если требуется вообще?

– Сейчас – ничего. Главное, чтобы ты был в курсе. Иди домой, и держи при себе эту гитару. Сообщить полученные сведения Марине – на твоё усмотрение, – сказав это, Снежана ушла, а я только и смог, что проводить её глазами.

Ничего толком не объяснила, приплела инструмент – и вот понимай, как хочешь.

Остаться в репетиционном зале смысла не было – меня и так ошарашили не в меру.

Первой мыслью было, конечно, позвонить Марусе, но

(опаньки!) номера её сотового у меня не оказалось! «Надо будет взять», – отметил я про себя, но это на будущее. А в тот момент как поступить, мне было совершенно неясно. При всех основаниях не верить Миле, Снежана сработала куда более убедительно. Разговоры утомили меня, а ведь впереди оставалась ещё и домашка. «Ну, да ладно: сделаю как-нибудь, ещё не вечер!» – решил я. Солнышко хоть и низко, но ещё не спряталось, день стоял погожий: в ожидании зимы сонная природа отправила нам последний воздушный поцелуй. Я иногда поэт, да.

«До чего ж погода славная! Только вот я почему-то вожусь с Марусей и мутными личностями вокруг неё место велосипеда и футбола», – рассуждал я, подходя к дому.

Глава 3

Не сказать, чтобы принять правду об участниках нашей музыкальной группы было труднее, чем, допустим, вступительный инструктаж о пионерской организации. Само собой, в Миле Красновой мне куда спокойнее было бы видеть только лишь красивую девочку, очень способную к музыке. Напротив, знать, что она агент из другого мира, да ещё и нечеловек – пугающе неприятно. То же самое касается и тихони из параллельного класса. Про Орден я вообще молчу.

Теперь полное наименование курировавшего Пионеров ведомства – Росконтакта – заиграло новыми красками. Государственный комитет по контактам с внеземными цивилизациями. Вот вам эльфы с другой планеты, а вот вообще не пойми кто, да ещё такой волшебный, что иначе как “ангелами” не называется. Почувствуй себя Гарри Поттером, Ярослав Сергеич!

Так или иначе, в новой реальности пришлось как-то жить, и надо сказать, освоиться было не очень-то трудно, поскольку помимо вводной информации о конкретных персоналиях фактически мало что изменилось. По-прежнему школа, рутина, уроки. Разве что с группой теперь морока. И с этими.

Как вообще на Земле должны были уживаться люди с вампирами? Мне нужно было срочно кого-то спросить, и я не нашёл ничего лучше, кроме как обратиться к Снежане. Ведь

ей, как сильнейшей, незачем было бы от меня что-либо скрывать, так? Сказано – сделано: прибежал первым перед началом репетиции и прямо в лоб спросил.

Ангел выслушала мой вопрос и, не задумываясь сообщила:

– В теории вампиры – это доминирующий разумный вид на Земле. Что хуже, они в силу своего происхождения привязаны к нашим главным противникам – демонам. По этой причине хоть в данном случае Орден и выступает союзником, но доверять ему нельзя. У них есть свои веские основания сохранять планету Земля закрытой от всего остального сообщества. И конечно, в отсутствие внешних угроз они смогут сосредоточиться на иных задачах. Например, на получении реальной политической власти.

Ну что же, спасибо!

Я проглотил эту информацию, а дальше на ней, точно на фундаменте выстроились новые теории. Так, скрытые мотивы должны были присутствовать у всех. Ясно что эльфы, приславшие Милу, не просто так следят за Пионеркой Светиной, а уж Росконтакт точно не может быть в стороне от этой активности инопланетян. Теперь же у всех этих фэнтезийных деятелей, видимо, сложилось довольно шаткое равновесие, особенно с учётом того, что наша Маруся жила не в вакууме, а потому расстройства её непрерывно подстерегали, к тому же самые разнообразные и по многим поводам. Следовательно, уповать на непрерывное поддержание Ма-

русиного настроения в приподнятом состоянии оставалось не очень-то основательной или перспективной затеей. Так почему и эльфы с вампирами, и даже супер-пупер могущественные условные “ангелы” так боялись любого сдвига? Почему при всех возможностях они не приняли никаких мер заранее? Или даже так: как вышло, что раньше у них всё получалось, а тут вдруг расчёты дали сбой? Конечно, всегда оставался такой вариант, что они как раз-таки подсуетились и теперь исполняли какой-то хитроумный многоходовый план. Но могло быть и противоположное: что никто из них: ни вампиры, ни Шифтеры, ни даже ангелы – не знали ни что происходило, ни чего ждать.

При случае я поделился догадкой со Снежаной (а с кем ещё можно об этом поговорить?), и знаете, что?

Она кивнула!

Значит, можно продолжать «копать вглубь».

– И какого рожна тогда Ордену и эльфам нужно от скромного меня? Я ж просто Пионер и всё.

– Этого они тоже не знают, – объяснил ангел, – Исходный факт: все расчёты утратили актуальность после контакта Маруси с тобой. Ты ключ к разгадке.

Коротко и не вполне понятно, но и этого довольно. Ведь у ключа есть лишь одно предназначение – открыть замок. Ключ ничего не решает, а мне не улыбалось быть лишь инструментом. А поскольку я почти гарантированно неправильно или неполно понимал истинное положение вещей,

мне было очень не по себе. Ещё недавно школьная жизнь обещала лишь радости и наполняла верой в лучшее, а теперь всё приобрело вторые и третьи смыслы. Зловещие смыслы.

Я не просил об этом, ага!

Но даже если высказать всё Снежане, она бы только пожала плечами.

Тем временем Марина Светина продолжала распылять вокруг себя светлое-светлое веселье.

– Мои старые песни никуда не годятся! – заявила она, стояло нам лишь спуститься в репетиционный зал в очередной раз. – Надо СРОЧНО писать новые. Этим займёмся мы со Снежаной, а вы трое (они имела в виду Краснову, Изюмова и меня) давайте-ка ударными темпами готовьтесь. Мне нужна полная сыгранность барабанов и баса! Ритм-секция – это сердце группы. Без неё никого не раскачаешь, не заставишь танцевать или прыгать. Поэтому нам необходимо полностью сосредоточиться на написании новых песен!

По обыкновению, она увлеклась речью настолько, что потеряла собственную мысль: как необходимость новых песен связана с важностью ритм-секции? В этом вся Маруся: зарядит речь – хоть стой, хоть падай. Но мысль понятна. И вот вообразите: сидим мы в нашем репетиционном зале, корпим над воплощением идей гениальной командирши, а к нам приходит...

...Директор собственной персоной. Директор чего? Директор нашей школы, разумеется. И Дворца, который являл-

ся её обособленным подразделением. Начальник всего “образовательного комплекса” в едином лице, и сам чёрт ему не брат.

Так уж повелось, что Дворец относился к Школе с тех пор, когда Всесоюзная Пионерская организация охватывала и объединяла всех школьников, предоставляя им вне обычных уроков уйму возможностей для всестороннего развития. Дворцы тогда были при каждой школе, чтобы оперативно и качественно выявлять Пионеров для программы спецподготовки и адаптации “Буревестник” под прямым кураторством со стороны Госкомконтакта и ЦК КПСС.

К тому времени, как я пошёл в 10 класс, ситуация, разумеется, изменилась: КПСС давно не стало, многие программы закрыли, сама Организация утратила былое влияние и *редуцировалась* до сети отдельных ячеек, в которых толком ничему не учили. Дворец же остался только при нашей школе один на весь район. Чисто как площадка для кружков. Давно говорили, что его выделяют в самостоятельное учреждение, да всё никак не доходили руки у кого следует. Хотя поговаривали, что подобным преобразованиям в Петербурге сопротивляется Росконтакт и лично его глава товарищ Цурюпа. Так и жили на три здания: Корпус с младшими классами, Новое здание школы для средних и старших и Дворец через дорогу в 10 минутах ходьбы. Называлось это “ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС” и подавалось как мощнейшая инновация, даром, что каких-то два-

дцать лет назад эта «инновация» была повсюду. Новое как хорошо забытое старое, где ключевое слово – «забытое».

В общем-то вполне ожидаемо, что наше самоуправство дошло до руководства «КОМПЛЕКСА». Группа учеников без куратора или хударука взяла и самостоятельно организовала в кружок – как же так вышло-то?

Странно, что раньше не заявились! В общем, пришло наше время. Момент истины! Сейчас нам покажут!

Снежана и Маруся что-то карябали на листочках, Игнат стучал сложный ритм, а я наставлял Милу. Ну как “наставлял”? Просто рассказывал ей что-то. У девушки всё прекрасно получалось безо всяких советов, так что обучение представлялось мне лишь фарсом для удовольствия её величества.

И вдруг. Никакого стука – дверь открылась, и мы увидели Евгения Петровича в компании с нашей классной, Марьей Ивановной, и тощей женщиной-завучем Еленой Васильев-ной, которая как раз отвечала за культурно-массовую работу в школе и кружки во Дворце. И если к директору у меня до тех пор вопросов не было, то вот Елену я терпеть не мог. Она организовывала мероприятия максимально формально. Она вечно выдвигала какие-то дурацкие правила (вроде запрета танцев в обнимку на дискотеках – нормально вообще?), и крайне редко одобряла инициативы учеников в любой области. Поэтому едва её завидев, я подумал, что всё пропало.

Мы притихли и инстинктивно поднялись на ноги, встав

практически по стойке «смирно».

– Та-ак, – сообщил директор.

– Вот видите, я же вам говорила, – это запищала ему на ухо «выдрозавуч». Что за идиотское лиловое платье она на себя натянула?

– Я разрешила ребятам, – позади всех неожиданно обнаружилась милейшая Римма Ароновна, пожилая учительница музыки, в прошлом – оперная певица. К сожалению, никто её не слушал, – за ребят поручилась Снежаночка. Вы же знаете Снежану Варяг...

«Да сейчас вам! Держу пари, в данную минуту они её в упор не видят!» – подумалось мне.

Марья Ивановна подошла к Марусе и принялась что-то с нею выяснять настолько тихо, что я не мог расслышать. Зато я слышал завуча. Она быстренько и в красках расписывала директору варианты правильного использования такого отличного помещения. Бред – они что, раньше не знали, что этот зал существует? Что за внезапность? То не нужен был зал, то теперь он превратился в ценнейший ресурс. Как будто не могло это подождать. Ну хоть пару лет!

– Значит, так, – сказал вдруг директор громко, – Для этого зала есть применение получше. Оборудование и ключи сдать завхозу. Для ваших репетиций такой большой зал не нужен, мы подберём вам другое помещение.

Я хотел поинтересоваться, что значит «лучше», но не стал. Хотя, может, и стоило бы, ведь зал использовался уче-

никами для творческой работы – нами! А Дворцы, между прочим, и существуют для внеклассных занятий учеников! К тому же по линии Пионерской организации и Ордена Директору наверняка должны были намекнуть!

Почему-то я был уверен, что Маруся не смолчит и испортит ситуацию безнадёжно, но её нейтрализовала Марья Ивановна, так что директор-узурпатор ушёл, а за ним последовали и завуч, и Римма Ароновна, всё ещё пытавшаяся взывать к здравому смыслу.

И коль скоро директор ушёл, в присутствии классной мы немного перевели дух.

– Марья Ивановна, чего это он? – спросил я.

Классная руководительница повернулась ко мне:

– А то не понимаешь? Раз вы создаёте группу, надо было обсудить, как положено – хотя бы со мной. А вы дубка слишком большого взяли – сами всё сделали, ни у кого не спросили. Вот и последствия.

– Я не могу молчать, когда такое происходит! – заявила Маруся. – Вот сейчас пойду, поговорю с ним.

– Не смей, – взмолилась Марья Ивановна, и я понял, что именно она всё это время обсуждала с нашим ураганным величеством. Классная руководительница удерживала сумасшедшую Марусю от необдуманных шагов и фраз. От всей души спасибо Вам, Марья Ивановна.

Но теперь-то что делать?

Я повернулся к Миле и Игнату, которые всё это время

оставались у меня за спиной, и сразу чётко осознал: дело ещё хуже, нежели казалось мне. Почему?

Потому что за предшествующую неделю я ни разу не видел Игната без его фирменной улыбочки. А теперь он хмур и напряжён. А ещё Мила странно взялась за гриф своего баса.

Не зная, как реагировать на такое, я быстро оглянулся на Снежану. Та была на месте, за синтезатором, и выражение её лица оставалось обычным. Но вот правая рука показывала ладонь. Мне? Скорее, нет. Скорее, тем, кто стоял за моей спиной.

– Вы чего?

Нет ответа. Только сосредоточенные взгляды мимо меня на дверь!

А дверь снова открылась, и, скалясь злорадной улыбкой, вошла Елена Васильевна.

– В общем, так, артисты, – начала она пренебрежительно, – Римме Ароновне удалось убедить Евгения Петровича не разгонять вас сразу. Через две недели в школе танцы, так вот вам список песен. Сыграете – останетесь репетировать.

И она подала список Марусе.

Наша командирша опустила глаза на бумажку. Секунды чтения ей было достаточно, чтобы с криком «ДА НИКОГДА В ЖИЗНИ!!!» вылететь из зала.

– Марина-а! – Марья Ивановна бросилась следом.

И как только дверь захлопнулась, Снежана опустила ладонь и тихо обронила:

– Разрешение получено.

Я даже не успел придумать уточняющий вопрос, как мимо меня промелькнула Мила. Не пробежала, нет – пронеслась ловкими скачками, одновременно срывая с себя бас и заноса его над головой.

Это только кажется, что самое важное должно происходить, точно в замедленном кино. В жизни всё мгновенно: завуч молниеносно увернулась от удара басом и тут же напала на Милу, которая, впрочем, тоже показала класс: воспользовавшись инерцией от неудавшегося выпада, ловко уклонилась, заставив противницу повернуться спиной ко мне. И Игнату. Который тут же оказался на позиции, нанёс пару ударов кулаками и немедленно отпрыгнул прочь – подальше от когтей.

«КОГТЕЙ?»

Елена Васильевна стала тоньше и длиннее: её безвкусное лиловое платье больше не доходило ей и до колен. Вся она ссутулилась, стала гибкой и ... пружинистой, что ли. Кожа потемнела, глазища вспыхнули, пальцы удлиннились. Что это вообще?!

Я стоял, как дурак, в башке только брань, а передо мной творились дурдом и мракобесие: вампир и эльфка сражались с чудищем с одобрения ангела. Уточните, пожалуйста, из какой это книги?

Как бы давая дерущимся пространство, комната увеличилась. Игнат и Мила нападали то по очереди, то вместе, но

вёрткой твари, ещё недавно бывшей завучем, постоянно удавалось обмануть их. Мила прыгала и крутилась волчком, её бас вращался с такой скоростью, что расплывался в глазах. Игнат не отставал: у него не было оружия, зато прыгал и маневрировал он настолько стремительно, что я не всегда мог уследить за ним. Измотав врага, Мила улучила нужный момент, и её бас достиг цели. Удар был такой силы, что в разные стороны брызнуло чёрным, а чудище отправилось в полёт. И не просто в полёт – а строго куда надо – напрямиком к Снежане Варяг. Так словно жала: из ладоней нашей тихони вырвался огненный вихрь, который мгновенно испепелил странное чудище ещё до того, как оно достигло пола.

Репетиционный зал тут же стал прежним.

Мила поправила причёску, Игнат – галстук, Снежана щелчком пальцев заставила исчезнуть чёрные брызги на полу и стенах.

А я как стоял ошарашенным столбом, так и остался. Не скрою, я был перепуган. Когда-нибудь может, и привыкну к такому, но в тот момент моя главная забота была – не оконфузиться.

– Вы чего, обалдели? – только и смог сказать я.

– На её место завтра заступит кто-то из ваших, – спокойно сказала Снежана Игнату, пропустив мой вопрос мимо ушей.

– Моё руководство возражать не будет, – отозвалась Мила.

– Я сообщу, – кивнул Игнат.

– Да вы о чём?! – взмолился я.

– Необходимо увеличить присутствие, – пояснила Снежана.

– Видишь ли, эта атака была направлена не на Марусю, а на нас, – сказал Игнат.

А Мила ничего не сказала. Она достала свой айфон и принялась кому-то звонить.

Вот так я получил очередное неопровержимое доказательство нечеловеческих способностей всей фантастической троицы. Теряясь в догадках, я по-прежнему бессмысленно тыкался с вопросами то к Снежане, то к Миле, и даже попробовал подойти к Игнату. Первая словно зависла и ни на что не реагировала, вторая продолжала свой разговор на непонятном мелодичном языке, отдалённо напоминавшем японский. Игнат же занялся барабанами, которые он опрокинул, ввязываясь в бой. Наконец в нем проснулась совесть, и он приступил к пояснениям.

– Существо, которое ты видел, называется выворотень. Вроде оборотня наоборот. Чудище, принимающее вид человека. Очень опасная зверюга, потому что трудно распознаётся даже моим чутьём, а атаковать может исподтишка в самый неожиданный момент. Спасибо ангелу, иначе «привет» нам.

– И какого дьявола оно здесь?

– Разведка боем. Кто бы ни прислал ту тварь, они не рассчитывали на победу, а только лишь хотели узнать, на что мы действительно бдим. Конечная цель – вывести нас из игры,

чтобы подобраться к Марусе, и там методы будут уже другие. Кстати, тебе опасность, скорее всего не грозит.

– Это почему?

Фирменная улыбочка снова появилась на лице секретаря:

– Предпринимать подобное можно лишь с одной целью – получить влияние на Марусю. А значит, ты им нужен живой. Как инструмент манипулирования.

– Спасибо, мне легче, – съязвил я.

– Кушайте на здоровье, – ответил Игнат цитатой из одной комедии и прибавил шёпотом, – Но мой тебе совет: ангелу не особо доверяй.

Я вытаращил глаза:

– То есть?

– Она позиционирует себя как ангел-хранитель, и, скорее всего, так тебе и представилась, верно?

– Угу.

– Не уверен, что хранители вообще бывают – это понятие из человеческих верований. Существа, подобные Снежане, называются ангелами условно и по аналогии. Нет причин защищать только какого-то одного «своего» человека. А огненные фокусы делают её больше похожей на боевого. Так что она тебе соврала, имей в виду.

«Вот тебе раз. Ангел обманывает! Но я уже видел, как она врёт, так что...»

Хлопнула дверь.

– Вот, ёлки, что они о себе думают! – раздалось с порога.

Это вернулось её безумное величество, королева скандалов Маруся Светина. Щёчки покраснелись, глаза пылают – Маруся, ты чудо как хороша в гневе.

– Успешно? – спросил я, усиленно изображая непринуждённость.

– Не догнала! Что за манера: прийти, всех сбить с толку, испортить настроение и мгновенно смыться. Марьванна пошла домой, а я сюда. Уроды! Знаешь, что нам предложили играть?

И она сунула мне под нос листочек со списком. Я быстро пробежал его глазами, отмечая про себя знакомые фамилии: Мангазов, Прикормов, Крепс, Роговицын и к тому же – Михаил Стасов! Половина поп-исполнителей, половина – так называемый «русский шансон», а проще говоря, песни уголовно-тюремной тематики.

Это играть в школе на танцах? Да ни в жизнь! Кому вообще могло такое прийти в голову? Явная провокация же!

– Вот и я говорю, – согласилась раздражённая Маруся, – мы величайшая рок-группа, и потому не собираемся петь песни в два притопа-три прихлопа, да ещё с подобным содержанием! На дворе двадцать первый век, мы должны идти в ногу со временем! К тому ж только нестареющая классика облагораживает людей!

«Опять она толкает бесполезные пафосные речи, которые к тому же противоречат сами себе, – заметил я. Ну, о каком соответствии времени можно говорить, если репертуар со-

стоит из нестареющей классики? И наоборот: новые произведения, новое звучание – всё это оттого и ново, что стать классикой ещё попросту не успело. Неужели ты этого не понимаешь, Маруся?

Поделился соображениями.

– Фу, какой ты всё же зануда! – скорчила рожицу её высочество. – В общем, так: мы готовим диверсию. Идеологическую. Я составлю сет из хард-рока и металла, а одну песню Прикормова мы сделаем в «металлической» обработке. Снежана, напишешь ноты?

Снежана кивнула: она уже вышла из «ступора» и (как всегда) заняла место за своим синтезатором. Когда она успевает так перемещаться? Почему я так редко вижу, чтобы она ходила? С другой стороны, что ни говорите, а я почему-то не мог к ней относиться с подозрением. Конечно, безучастный взгляд не привычен, а кого-то и напрягает, но всё же она довольно милая. И она восхитительно играет. И она спасла нам всем жизни, разобравшись с монстром. А вампирёныш Игнат просто очерняет её – это ведь возможно! Вдруг это он интриган и даже представляет враждебные силы? Домой ко мне прибежал для тайного разговора. Тоже мне, мастер над шептунами!

Однако же настроение было безнадежно испорчено, как бы ни хорохорилась Маруся, поэтому решили сегодня больше не репетировать и расходиться по домам. Не очень-то я этому обрадовался. Кто знает, правда ли, что на меня напа-

дений быть не может? Вот, к примеру, если подумать, то за-получить меня как инструмент влияния можно множеством разных способов. Скажем, если меня похитить и держать где-нибудь в подвале.

Но с чего кто-то взял, будто Марусю можно этим спрово-цировать на какие-то действия?

В самом деле: я ей не кум, не сват и не брат.

Между прочим, я же даже не её парень!

Иными словами, основополагающий тезис о том, что я ка-кой-то там ключ, может быть неправдой. В конце концов, они все мне врут то и дело. По поводу и без.

Или так: я мог быть неучтённой переменной в этих их сложных расчётах будущего Маруси. Некой случайной ве-личиной, из-за которой у них всё пошло наперекосяк. А в этом случае самым логичным шагом было устранить меня из уравнения, и таким образом у них снова всё должно срас-тись, разве нет?

Погруженный в эти мысли, я шёл домой пешочком, когда Маруся перезвонила мне на мобильный.

– Я всё же не смогла это так оставить, – заявила она в трубку, – поэтому вернулась в школу, узнала адрес директо-ра и собираюсь идти к нему домой.

– С ума сошла?

– Я иду в любом случае. Если хочешь, идём со мной. Встречаемся на крыльце школы.

Скажете, был выбор? Эта сорвиголова способна на всё.

Пришлось идти – надо же, чтобы кто-то держал её в рамках приличия. И я потопал в указанном направлении. Чёрт с ним, что без обеда, об этом уже и не думалось как-то. Мало того, что вокруг Маруси собрались какие-тёмные силы, так ещё она сама себе проблем на одно место искала прямо-таки увлечённо!

Тёмные силы.

Чуть более недели тому назад я и помыслить не мог ни о чём таком. Я жил в материальном мире и был уверен, что ни чудес, ни вампиров, ни эльфов – нет. Побаивался только гопоту, и то не очень сильно, благодаря регулярным тренировкам. Но всё изменилось, и вот я уже всю раздумываю над вампирскими интригами и эльфийскими (эльфскими!) тайными операциями. Я видел, как хрупкая красотка Мила вышибла своим громадным басом дух из какого-то монстра – как там его? – а маленькая тихоня-пианистка сожгла это существо за секунду. Кажется, в Интернете это называется «разрывом шаблона». Всё прекрасно, только как с этим жить-то? Как выйти из сложившегося положения? И главное – как вывести из него Марусю?

«А вот и она, легка на помине».

Её величество ждало меня на крыльце.

– Ну, признавайся, как удалось добыть адрес?

– Спросила у секретаря.

– Ага, так тебе и дали его сразу, – не поверил я.

– Я объяснила ситуацию, показала список...

– Секретарю?

– Ну да. Она была удивлена таким списком, ведь Евгению Петровичу нравится совсем другая музыка.

«Уж она-то знает, поди», – подумал я, но сам устыдился таких мыслей и сказал:

– Ладно, двигать надо. Время уже не раннее, а ещё домашку делать.

– Ерунда! Сделаем вместе, когда вернёмся, – отозвалась Маруся и бодро зашагала прочь. Я поспешил следом.

Как оказалось, ехать нужно было довольно далеко. Хорошо, хоть не на метро, но тут как посмотреть. Метро – значит, никаких пробок. А в наземном транспорте можно застрять на часы.

Нам повезло: сорок минут на автобусе, и вот мы вышли на остановке в незнакомом районе.

Обычный «спальник»: длинные типовые дома, изредка попадаются новостройки, воткнутые недавно вместо стадионов или скверов. Всё невзрачное, дворы заставлены машинами, какие-то хмурые люди вокруг. Питер как есть: неуютно и сыро. Но, раз приехали, чего уж стоять?

– У тебя в телефоне навигатора нет? – осведомилась моя спутница.

– Не-а...

– И у меня нет. Ничего, сейчас спросим! – и она мигом упорхнула приставать к какой-то старушке, выгуливавшей свою собачонку неподалёку. С минуту женщина показывала

направление, что-то объясняла, Маруся кивала и уточняла. Потом вернулась.

– Ну, пойдём, я всё выяснила. Сейчас вдоль этой улицы до второго перекрёстка, потом направо, потом перейдём через дорогу, потом наискосок дворами – и будем на месте.

– Офигеть! – только и смог сказать я, и мы продолжили свой путь.

Было около пяти вечера, сумерки постепенно сгущались, но до темени оставалось какое-то время, да и фонарей кругом много, в общем-то. Не подумайте только, будто я боялся. Я ведь уже говорил, что много занимаюсь спортом, так что при росте метр восемьдесят вид у меня довольно внушительный. Конечно, шпана привязаться может в любом случае, но тут, как говорится, никто не застрахован. Гопота старается выбирать жертву наверняка, то есть на меня пойдёт в самом крайнем случае.

Скажите, я слишком самонадеян?

Отвечаю: ничего подобного.

Просто точно знаю, на что способен, и здраво оцениваю ситуацию.

Я же вижу, как на меня глядят ребята на лавочках в моём районе.

Ну, и не стоит думать, будто я мог только алгебру решать и на гитаре наяривать. Драться я умел. Боксом к тому времени занимался уже четыре года, так что удар у меня был поставлен как следует.

К чему же написал про темноту и фонари?

Две причины.

Первая – против всяких «выворотней» мой бокс бесполезен.

Вторая (связанная с первой) – хотелось бы как можно раньше увидеть всё, что стоило бы увидеть.

Нет, пожалуй, приврал: я действительно немного боялся. Что теперь-то уж: и за Марусю боялся, и за себя. Потому что нашей волшебной троицы рядом не было.

Есть, конечно, чего стыдиться, но с другой-то стороны, не боится ничего только дурак. И вообще: мне же только-только показали необычное и крайне враждебное существо! Может, они бывают разные! Может, они вот-вот снова нападут!

– Ты чего так башкой вертишь? – прервала мои мысли Маруся.

– Не башкой, а головой, – уклонился я от ответа, а наша гениальная вокалистка лишь фыркнула.

Между тем мы углубились во дворы, чтобы пройти наискосок к нужному дому.

И вот тут я насторожился.

Потому что людей вокруг не стало, и ни в одном окне не горел свет.

«Та-ак, – подумал я, – пока ещё ничего не понятно, но очень хотелось бы ошибиться. Эх, Маруся, угораздило же нас с тобой!»

Рассуждать было и впрямь рано. Света в окнах могло не

быть, к примеру, из-за отказа трансформатора в ближайшей будке. Или вообще – аварии. У нас тут было как-то в августе – на несколько часов полгорода без электричества осталось. Так что в самом отсутствии света ничего удивительного. Но – людей-то на улице нет! Обычно, там, с собаками гуляют, с колясками. Я даже пацанам, сидящим с пивом на лавочке, наверное, обрадовался бы. А тут – ничего и никого! И тихо ещё.

– Яр, – Маруся тоже почувствовала неладное, – а тебе не кажется, что это странно, что людей нет и окна тёмные?

Иногда пока кто-то не озвучит панических мыслей, особых эмоций нет. Зато стоит лишь сказать вслух – и начинается реакция.

– Я тоже заметил, – ответил я, подавляя в себе страх и прилагая усилия к тому, чтобы говорить спокойно, – Если хочешь, мы вернёмся и переговорим с директором завтра в школе.

– Глупая была идея ехать, – неожиданно быстро согласилась Маруся, – Давай вернёмся.

Если наша Маруся так покладиста, значит, дело плохо.

Хотя у меня и не было других случаев проверить это правило.

Так или иначе, а мы повернулись и побрели назад, но миновав арку, остановились, ошарашенные.

Потому что улочки, с которой мы свернули в тёмный двор, не было. Вместо неё мы увидели тёмный двор с девятиэтаж-

кой по периметру и детским садом в центре. Точно такой же, как мы только что покинули.

Маруся просто удивилась и решила, что мы не туда свернули, а вот мне стало очевидно: мы в беде, и без таинственных врагов тут не обошлось.

Теперь я уже крайне недобрым словом помянул Милу, Снежану и Игната, потому что ни один из них так и не объяснил, какая сила нам противостояла. За неделю ни одного слова обо всей этой конспирации, а теперь вот я совершенно не готов к... к чему я, там, должен быть готов?

– Я знаю, куда идти! – твёрдо заявила Маруся и зашагала вперёд.

Уверен, она на самом деле не знала, но не желала подавать виду.

«Храбрится девочка, боится потерять лицо. Эх, ты...» – подумал я.

– Как-то в августе у нас такое уже было! – ляпнул я, стараясь успокоить.

– Кажется, я читала что-то такое в новостях, – ответила моя спутница, – Думаю, в крайне случае просто вызовем такси и поедем домой с ветерком.

«Ну-ну...»

Я выхватил трубку из кармана.

Сигнала не было, сотовый оператор не определялся.

– Маруся, проверь телефон!

– Оба-на! – услышал я разочарованный голосок, стоило

лишь ей достать свою «раскладушку». Маруся остановилась в растерянности.

– У меня то же самое, – сказал я и подошёл к ней вплотную. По отсутствию дальнейших комментариев я безошибочно определил начало внутренней, ещё не выплеснувшейся паники. Нам обоим нужна была передышка: просто постоять, обсудить, определиться с планом дальнейших действий – и претворить его в жизнь.

К сожалению, время ждать никого не собиралось, и вот уже стемнело окончательно. Если бы спросили меня, то я бы сказал, что стемнело немножко слишком быстро, но кто его знает, как работает восприятие времени в подобных обстоятельствах. Ясное дело, всё происходящее – это чьи-то происки, но очень, очень не хочется допускать, что нашему скрытому противнику подвластно менять время суток. А также климат, рельеф местности и политический строй.

Происки – не происки, а мы остались без связи. Вокруг тёмный двор, людей нет. Мне вот интересно, мы вообще на Земле? Или это какая-то пространственная аномалия, про которые нам в своё время немного рассказывали на занятиях в Пионерском кружке? Или это Милино руководство решило предпринять очередную гениальную попытку «экранировать» Марусю от всей остальной Вселенной? Да пошли они, в самом деле. Сейчас главное, чтобы не выпрыгнул кто-нибудь из темени этой.

– Слушай, – обратился я к Марусе, – мне не очень нра-

вится, что творится, но это реально похоже на августовскую аварию. Ещё это похоже на одну штуку из старой Пионерской методички, но о подобных фокусах давно уже никто не вспоминает. Делаем так: идём сейчас через этот двор вон в ту арку, – я показал, – там должна быть улица. По ней движем прямо и наверняка выйдем к какому-нибудь ориентиру. А если машина встретится – так вообще отлично. Годится? – Годится, – Маруся жалобно посмотрела на меня.

Просто удивительно, как под маской неуёмной сорвиголовы прячется нежная девочка. Куда пропала безумная энергия? Где спряталась сносящая барьеры харизма? Всё это утонуло в темноте. Рассеялось, стоило лишь появиться какому-то намёку на непривычное и пугающее. Всему своё время и место. В понятной обстановке и с понятными людьми Маруся расслаблялась и могла позволить себе проявить темперамент. Теперь же она, наверное, рассчитывала, что я поддержу, сумею защитить и вывести на свет (как в прямом, так и в переносном смысле).

И знаете, что?

Я просто не имел права подвести её!

Зажав себя в кулак, показав всем своим видом уверенность и спокойствие, я сделал пару шагов в выбранном направлении, но моя спутница осталась на месте. «Нет, ну я всё понимаю, но чего она так перепугалась-то? – пронеслось в голове. – Она же не знает, что знаю я, так ведь? Что ж делать?»

Повинуясь какому-то наитию, я предложил ей руку, и она взялась.

«ХА! Маруся Светина идёт со мной за ручку!» – возликовал я внутренне, но под давлением обстоятельств это произошло почти сразу. В ином положении я, наверное, возомнил бы себе много чего, здесь же слишком много пугало, а будущее и вовсе представлялось мрачным даже в не слишком отдалённой перспективе. Впрочем, горячая девичья ладошка – это прекрасный вдохновляющий фактор в любой ситуации. Потому зашагал я, можно сказать, вполне бодро. Так мы миновали второй двор и вошли в третий. Такой же.

– Ярик, ты понимаешь, как это получается?

– Не-а, не понимаю, – ответил я, – Бред какой-то.

– И чего теперь? – Маруся поглядела на меня выжидающе.

– Ничего. Идём дальше. Мы совсем даже не на окраине!

Куда-то ведь должны выйти! – с деланной беззаботностью заявил мужественный я, и мы продолжили путь.

Шли молча, внимательно глядя под ноги и по сторонам. Пасмурное небо от закатных лучей иногда приобретает розоватый оттенок и даёт неплохую видимость – это нас выручило. Правда, одного лишь освещения маловато, если вокруг нет признаков жизни.

Возможно, вы удивитесь: «Ну, кто не оказывался в чужом незнакомом районе? Со всеми бывало. И почему это не рождает паники?» Рискну предположить: потому что люди вокруг! Если вокруг люди, значит, не всё потеряно: есть к кому

обратиться, если что.

А мы вот попали совсем неприятно: темень, чёрные провалы окон, да вдобавок ко всему ещё и похолодало.

– Знаешь, – прервала Маруся молчание, – я вот подумала: это же совсем несвойственно мне! Я обычно не трусиха, ты знаешь, и даже драться умею. Я обычно никого и ничего не боюсь, но сейчас вся эта... безжизненность так давит...

Её голос изменился, словно потух, и она продолжила, словно не обращаясь ко мне, а проговаривая для себя самой:

– Это очень странное чувство. Оно как будто давит на меня, проникает в самую душу. И даже – у тебя такого нет? – как будто клонит в сон. Никогда со мной такого не было.

Я внимательно слушал.

– Я всегда была среди людей. Не особо сближалась, держалась в стороне ото всех. Но мне было нужно какое-то одобрение, какой-то отклик, что ли. Я всё думала – да зачем мне все эти люди – я же настолько круче всех! Пусть они просто восхищаются мной, делают, что я говорю – и всё будет в лучшем виде. А сейчас вот темнота, людей нет вокруг, как будто мы в покинутом городе ходим по обломкам цивилизации. И я всё думаю: только бы вернуться...

Я легонько пожал её ладошку:

– Выйдем, конечно, не сомневайся.

Но за аркой нас ждал новый двор, и мы снова пошли наискосок, вдоль ограды детского сада к арке в противоположном углу.

– Ярик?

– А? – отозвался я.

– Спасибо тебе, что ты со мной поехал. Как представляю, что я бы тут одна попала...

Ответил я не сразу. Странно было наблюдать Марусю в таком состоянии. Какое-то отчаяние, грусть. Не было у меня никакого опыта утешения девчат в непонятных и пугающих обстоятельствах. Поцеловать её, что ли? Интересно, даст пощёчину или будем встречаться после этого? (Если выберемся, разумеется!) Поразмыслив, я всё же решил не торопиться с поцелуями и ограничился словами ободрения:

– Нормально всё, Марусь. Нормально. Сейчас уже должны выйти куда-то. Таких больших кварталов не бывает, – я приложил всю волю, чтобы сказать это спокойным тоном. Понимаете, почему? Потому что я вовсе не был уверен, что мы вообще сможем выйти. И Снежане, Миле или хотя бы вампирскому Игнату следовало бы срочно появиться и объяснить, в чём, в конце концов, дело! И прекратить балаган, поскольку я уже готов был придушить наших фантастических телохранителей за то, что не спасали нас так долго. А заодно – начать рассказывать нашей принцессе кое-о-чём.

– Ой, Мила! – выкрикнула моя спутница, мгновенно превращаясь из перепуганного котёнка в саму себя – её сверхактивное величество Марусю Светину.

И, как ни странно, это действительно была Мила.

Она вышла нам навстречу из той самой арки, к которой

мы направлялись.

И за её спиной горел фонарь.

– МИЛААА! – замахала руками Маруся и поспешила навстречу. Подскочив, немедленно полезла обниматься. Возникшего замешательства хватило, чтобы я приблизился.

«О-хо-хо, сейчас нужно будет как-то объяснять...»

– Приветы! – сказал я, сделав ручкой.

– Привет! Я вас обыскала уже! Чисто случайно заглянула в эту арку, а то бы разминулись, – проговорила рыжая красотка.

– Ты нас искала? – удивилась Маруся.

– Я отправил Миле SMS о том, где мы, пока ты расспрашивала дорогу, – не моргнув глазом, соврал я.

– Зачем? – Маруся повернулась ко мне.

– Да, согласен – дурацкая идея. Думал, может, если с нами пойдёт Мила, то директора будет проще уговорить, – пояснил я.

– Однако, здравая мысль, – изумилась Маруся, – Так держать! Но ты не сказал мне, что она приедет.

Моя версия не просто дырявая – это просто одна большая дыра! Однако Мила на этот раз сработала чётко:

– О чём говорить? Он SMS прислал, когда вы уже почти добрались. Я ответила сразу же, что не приеду. А потом совесть заела – и вот я здесь. Но вы ведь, наверное, уже всё решили с директором?

«Издеваешься? Или конспирируешься?»

– Мы не нашли его дом, чуть не заблудились и решили идти обратно, – ответила Маруся с самым беззаботным видом.

– Ну, тогда, может, я подвезу вас до дома? У меня рядом папина машина, – предложила Мила.

Трудно представить себе, чтобы мы не согласились. Ко всему прочему мы оба уже проголодались и устали ходить. И подозреваю, что Маруся могла замёрзнуть, но это не факт. «Хорошо, что всё уже скоро закончится!»

Что до дурацкого объяснения, придуманного на ходу мною и Милой, то могу ответственно заявить: для импровизации это было очень даже неплохо. По крайней мере, Маруся приняла нашу версию, расслабилась, и вот мы уже прошли злосчастную арку и оказались под фонарями. Не знаю, обратила ли Маруся внимание на жест, который сделала Мила, выходя из арки первой: взмахнула ручкой, словно отодвинув в сторону створку ворот. Я вот заметил. В моём понимании, это должно было означать лишь то, что для выхода из двора ей понадобились Шифтерские способности. То есть, не явись за нами Мила, мы с Марусей могли бы блуждать в тех дворах до скончания времён. Интересно, что это было? Спросить надо бы.

Пройдя ещё метров двадцать, мы увидели «Мерседес» представительского класса и водителя, который курил, стоя около открытой двери. Признаться, я раньше к таким машинам старался даже не приближаться, мало ли что.

– Круто! Всё хотела спросить, кто твой папа? – тут же по-

лезла не в свои дела Маруся. Мила, помявшись, ответила:

– Просто крупный акционер очень серьёзной корпорации.

«Ну-ну, так я и поверил! Кстати, действительно непонятно, откуда у Шифтеров такие возможности в нашем мире?»

– Не «Газпром»? – проложила допытываться Маруся.

– Нет, это связано с добычей золота. Правда, я в семейный бизнес не особо вникаю.

Услышав про золото, Маруся сделала рожицу и протянула «о!» – но Милу это, казалось, не смутило:

– Забирайтесь! – пригласила она. – Куда вас подвезти?

– Эм... Может, в «Макдак» сначала, а то я умираю, как есть хочу!

– Я не против, – ответила Мила.

Ещё бы ты была против. Ладно, поехали!

Сказано – сделано. Автомобиль плавно покатил по улице. Маруся уютно устроилась на заднем сидении и рассказывала о нашем приключении, Мила слушала, кивая, а я молчал и наслаждался поездкой.

Ближе к концу рассказа эльфка достала из сумки маленький планшет, что-то там поискала, нашла и протянула прибор Марусе. На экране я заметил карту.

– Вот! Думаю, вы вот так прошли, – пояснила Мила, проводя пальчиком наискось через несколько похожих дворов.

– Наверняка, да, – поспешил согласиться я, тогда как Маруся с интересом принялась за изучение.

– О, да мы вообще не туда свернули! – сказала она, на-

конец. – Директор живёт здесь (она ткнула пальцем), а мы шли здесь (показала), попали сюда и теперь едем здесь. С ума сойти! Надо, кстати, мне такую же штуку – с картами.

– Скажи, полезная, да! – живо отозвалась Мила, и я поразился её умению вести себя как нормальная человеческая девчонка моего возраста. Наверное, она очень хороший агент.

Пока девочки обсуждали преимущества планшетов перед ноутбуками, я глядел в окно, пытаюсь понять, где же мы всё-таки. Вопросом этим я задался не случайно: хотя Мила со своей картой была более чем убедительна, я-то понимал, к чему всё: взрывной непооседе рядом со мной нужно было немедленно дать разумное объяснение произошедшего. А дальше Маруся увлечётся яркой электронной игрушкой и пропустит, как мы выедем из этого странного и жуткого места, где бы оно ни было. Шифтеры, видимо, могут перемещаться свободно или почти свободно, для них это будни. Я же ожидал зрелища.

Безуспешно: если и случился какой-то переход из одного мира в другой, Ярослав Сергеич всё равно ничего не заметил. В конце концов, я даже не был уверен, покидали мы Землю или нет! Пришлось смириться, успокоиться и вернуться к обыденным реалиям.

Мы довольно быстро пообедали (поужинали?), потом Маруся позвонила домой и отпросилась ко мне. Маленькая ремарка: отпросилась, даже не задав мне вопрос, можно ли. На

мой недоуменный взгляд пояснила, что нам нужно сделать кучу домашки, так что проще разделить работу, а потом поменяться тетрадами и переписать друг у друга. Затеяница!

Оказалось, что она планировала это давно, и специально садилась на уроках так, чтобы у нас были одинаковые варианты.

Неплохая идея, надо сказать. Главное здесь, чтобы не было одинаковых ошибок.

Мила попрощалась с нами около моего парадного и укатила, и вот так получилось, что в тот день я впервые привёл домой девушку. В любых других обстоятельствах я был бы счастлив и горд. А тут неясность какая-то. Тем более, с Милой не удалось ничего обсудить.

Ладно, по крайней мере, я был дома.

Глава 4

Делать домашку по методу Маруси оказалось легче и быстрее. Управились к девяти, но это без литературы, конечно. Закончив, усадились пить чай.

– Классно тебе: родители всё время где-то в разъездах, живёшь сам себе хозяином! – приговаривала Маруся, забравшись на уголок с ногами и шумно втягивая горячий чай.

– Только скучно иногда, но не жалею, – искренне ответил я, – Если что, бабушке или сестре звоню. Совсем невмоготу – иду к ним в гости, а иногда и ночью там.

– Всё равно здорово.

Помолчали.

– Можешь приходить ко мне сюда в любое время, – сказал я невпопад, – только предварительно звони, а то я в спортзале могу быть или по пионерским делам мотаться.

– Спортзал – это хорошо, – кивнула Маруся, – Предложение принимается. Сделаем у тебя резервный штаб.

Ну, кто ж меня за язык-то тянул? Хотя, чего это я возмущаюсь? Да, будет приходить непоседливая Маруся – что такого? Пусть ещё придёт хоть раз! Пусть привнесёт небольшой хаос – это лишь оживит пресную повседневность. Если бы ещё сверхъестественные неприятности не поджидали на каждом шагу, было бы вообще замечательно. Сегодняшний день показал, что в конечном итоге Маруся – милая и неж-

ная девчонка, когда не корчит из себя прибабахнутого гения. Ей хочется, чтобы её защитили, взяли за руку и решили проблемы. А то, что она сверхактивна, боевита и вспыльчива – ну так это тоже часть её природы. Берусь даже утверждать, что она наверняка не казалась бы такой замечательной, не будь у неё этих черт. Ну, в самом деле – была бы обычной, неинтересной – и кому стало бы хорошо? Верно, никому. И мне – в первую очередь. Потому что, несмотря на всё моё брюзжание, мне безмерно нравилась именно та Маруся, которую я узнал. Несмотря на все оговорки. Несмотря на все мои скептические комментарии.

Так что – да! – приходи ко мне, Маруся, в любое время. А я буду думать, как вытащить тебя из всего того дурдома, который вокруг старательно строят.

Однако – время. За ничего не значащей беседой прошёл почти час, то есть Марусе нужно было срочно собираться домой. И как после сегодняшних событий я мог отпустить её одну? Делать нечего: оделся и пошёл провожать.

Как выяснилось, Маруся с родителями, переехав из Севастополя, поселились в трёх кварталах от меня, то есть всего-то в двадцати минутах ходьбы. Понятно, что заблудиться мы могли и за минуту, но, по счастью, ни на пути туда, ни обратно – не случилось ничего необычного. Я преспокойно вернулся и улёгся пораньше, чтобы как следует отдохнуть от чересчур насыщенного дня.

А ночью меня разбудил Игнат.

– Яр, подъём!

– Что за фигня? Ты чего тут делаешь?

– Одевайся давай, некогда объяснять. Десять минут у тебя, а то и меньше!

«Раскомандовался тут!»

– Яр, пожалуйста, времени нет! Одевайся, бери гитару и давай двигать!

На моих часах было полчетвёртого. Как же хотелось спать! Тем не менее я сделал усилие и быстро влез в джинсы, натянул водолазку, а секретарь ячейки уже ждал меня в коридоре с курткой и гитарой. Почему-то именно в тот момент мне подумалось, что никакой он на самом деле не секретарь и вообще не Пионер. Может, пора его уже вампиром начать называть? Или “вампирчиком”, раз он такой гламурный, белокрысый и с хвостиком?

– Время, Яр!

«Да ну тебя к дьяволу!»

– Я, кстати, спасаю тебе жизнь, – укоризненно молвил Изюмов, – так что помоги мне хоть немного.

О, как. Теперь уже этот деятель пугал меня. В последний раз, когда я видел его таким, на нас напал выворотень. Есть смысл прислушаться? Пожалуй, да.

Мы вышли из дома, и тут же подъехал чёрный микроавтобус. (Они что, специально машины подбирают, чтобы как в голливудских боевиках?) Дверь открылась, и Катя Цюрипа жестом пригласила нас, поторапливая: «Скорее, они уже

близко!»). Мы запрыгнули, и фургон рванул с места.

– Теперь, когда мы уже едем, можно спросить? – начал я, устраиваясь на сидении и на всякий случай прикидывая, где тут ремень безопасности.

– Спрос не вдарит в нос, – ответила Катя и хихикнула.

«Ага, очень смешно!»

– Ты, кстати, тоже вампир?

– Не-а, – ответила Катя, а Игнат ввернул свою дежурную улыбочку:

– Нет, Катя не вампир. Катя здесь как представитель Росконтакта.

– О, эмиссар Мирового правительства? – не удержался я от сарказма.

– Вроде того, – несмотря на улыбочку, Игнат был серьёзен.

– И из-за чего переполох? – Ярослав Сергеич у нас мастер выбрать время для самого логичного вопроса! А Игнат Батькович – мастер рассказать умопомрачительную историю:

– Когда вы сегодня решили прогуляться в по пространственной аномалии, Маруся перепугалась и, со слов эльфов, грохнула кометой целую планету. Хорошо хоть – необитаемую, но факт показательный. Хуже то, что она не притащила готовую комету, а создала новую.

– Это вы от эльфов узнали? – тут кто угодно не удержался бы от сарказма вообще-то!

– Эльфы просто в панике! Они разругались с ангелами за

право вытащить вас, – вмешалась Катя, – а сейчас Милу вызвали на ковёр, наверное, отчитывать за то, что она всё это допустила.

– Ангелы? – спросил я. Катя пожала плечами и пустилась в объяснения:

– А что ангелы? С ними никогда не бывает понятно: другие цели, другое мышление. Тут дело же не в комете как таковой. Маруся нарушает структуру вселенной. Все уже привыкли к равновесию, а тут такое. Мало ли, что там с чем сталкивается в космосе, но создание новой кометы – это тебе не просто руками слепить из глины комков и бросить в окно. Комета, Яр! Такие процессы оставляют дыры, нарушают структуры, в том числе и защитные. Так что для шифтеров это ещё и сигнал к активным действиям. И для их врагов, видимо – тоже.

– Кого-то спровоцировали? Те же, кто направлял к нам выворотня? – уточнил я.

– Вероятно, – кивнул Игнат, – Сейчас, например, Орден отследил в городе целую стаю упырей, хоть и небольшую. Есть подозрения, что они могут быть нацелены лично на тебя. Это не факт, но мы отрабатываем все версии, так что руководство решило тебя вывезти.

– Зачем им я?

– Мы заинтересованы в тебе. Эльфы заинтересованы в тебе. Ангелы и Маруся заинтересованы в тебе. Кто бы ни был нашим врагом, там нет дураков – и значит, они тоже заинте-

ресованы в тебе.

– И кто этот враг, в конце-то концов? – спросил я в лоб.

И Игнат умолк.

– Они не знают, – бодро сообщила Катя, как если бы это был очень позитивный факт. В каком-то японском фильме я видел очень энергичную девушку, которая так же бодро сообщала героям о взрывчатке в их ошейниках.

– Как-то это не внушает «оптимизму», – я намеренно отказал слово «оптимизм». Не знаю, на кой, но в этом разговоре мы все взялись уныло и неуместно хохмить. Поправочка – ПЫТАТЬСЯ хохмить.

– Ну, видишь ли, – ироничным тоном начал Игнат, – Орден действует только на Земле, вне её пределов уже юрисдикция Шифтеров. Нам известно лишь то небольшое, что они благоволят сообщить, и, если бы не один знакомый ангел, положение было бы катастрофическим. Всей картины у нас нет.

– И у Росконтакта тоже, – поддакнула Катя.

Машина вильнула так резко, что я едва не упал с сиденья. Катя же пулей метнулась к водителю.

– Что там? – услышал я её вопрос, а спустя секунду последовал и ответ:

– Да, что-то под колёса кинулось! И ангел ваш здесь.

Это уже было чересчур! Слишком много событий, слишком много информации (или слишком мало?) Слишком непонятно всё кругом. Нет, я решительно отказывался по-

нимать, как такие сильные организации настолько запустили положение! Разве не должно быть нападения сперва на Марусю? А если в её сторону выпад уже случился, то вывезли ли её, как меня, или спасали по-другому? И вообще: что это такое?! По городу, оказывается, носятся какие-то там чудовища (упыри?), с ними даже кто-то там сражается, и при этом горожане ничего не замечают? А если Маруся узнает? Или может, просто больше никто не боится, что Маруся окажется в курсе? Например, если завтра всё это окажется в утренних новостях – а?

Все мои мысли словно рассыпались от резкого торможения.

– Та-ак, – протянул Игнат, взял что-то из-под сидения и вышел на улицу, хлопнув дверью. Катя, защёлкнула за ним замок, а я приник к окну. Поначалу ничего рассмотреть не мог, а потом заметил трёх существ, которые ползли к Игнату, перебирая по асфальту сложенными руками-крыльями. Разглядеть подробности я не мог, конечно, но мне и не хотелось, честно говоря. Выворотня в своё время хватило.

Игнат картинно отвёл руку в сторону, и тогда я понял, что за длинную штуку он взял с собой – меч. Ну да, он ведь из Ордена, значит, наверное, типа, рыцарь или вроде того – у него должен быть меч для уничтожения чудовищ. Романтично, если серебряный. Жаль, помахать не судьба: вокруг существ возникло бледно-жёлтое сияние, заставившее их скорчиться, завизжать и в конечном итоге – рассыпаться пеплом.

Ну, а когда сияние угасло, мы все увидели Снежану Варяг в джинсовом комбинезоне, сером свитере и кедах. В очках.

Игнат опустил меч, Катя разблокировала дверь, и я выскочил наружу.

– В авторизации отказано. Всем сторонам немедленно прекратить военные действия, – голос нашего ангелочка был едва слышен.

– То есть как? – не поверил Игнат. – Просто вот так взять и разбежаться по углам? А ничего что они...

Договорить ему Снежана не дала:

– В авторизации отказано, – повторила она чуть громче и с нажимом на слове «отказано».

Игнат длинно выругался, да так, что мне стало стыдно, а Катя округлила глаза, протянув «Ого!».

– И что, завтра, как ни в чём не бывало, идти в школу? – закончил деятель свою тираду.

– Да, – ответил ангел.

– Тогда хоть скажите, с чем и кем мы столкнулись? Чего ждать, от кого защищаться? – не унимался вампирчик. – Ты же видишь, что творится! Они не остановятся, снова нападут.

– Мы это понимаем. Но дальнейшие действия приведут к широкой огласке, что недопустимо.

И вот в этом месте я уже не мог не вмешаться:

– Послушайте, товарищи! – начал я громко. – Я понимаю, что вы типа крутые и вообще фантастические существа, но

смею вам напомнить, что есть ещё мы с Марусей. Для вас это всё игрушечки, интрижки и политика. Но для нас это вопрос жизни! Может, хватит двигать нами как фишками? Я больше не играю вслепую! Или давайте начистоту, или идите к чёрту: весь расклад расскажу Марусе.

В наступившей паузе было слышно только то, как хихикнула Катя Цурюпа, сидевшая на ступеньке машины.

– Прямо сейчас она тебе всё равно не поверит, – спокойно произнесла Снежана, – Поэтому предлагаю всем вернуться на исходные позиции.

Помолчали. Стало ясно, что моя речь ни на кого должного впечатления не произвела. Досадно, конечно, но делать-то нечего. Я же школьник, а они... СУПЕРГЕРОИ? Угу. Мамкины! Я повернулся к Игнату: он так и стоял с мечом в руке, и лицо его, насколько я мог судить, выражало отчаянную решимость. Неужели он собрался атаковать? Дурак совсем.

– Игнат, поехали! – позвал я. Стоять вот так без дела посреди улицы и в гляделки играть – это ж полная глупость! Кстати, а где другие машины?

И тут наш белобрысый друг, наконец, оттаял.

– Мы отвезём Яра домой, – молвил он, обращаясь к Снежане и опуская меч, – а вы тогда постарайтесь, чтобы открытых нападков больше не было!

Снежана кивнула.

Мы полезли в автобус. Катя слегка похлопала Игната по плечу и отправилась шептаться с водителем. Я же подсел к

окну и прижался лбом к стеклу, желая почувствовать холод.

Когда мы отъезжали, я увидел, как из тени вышел высокий парень в полосатом свитере и с повязкой на одном глазу. Он что-то коротко, но эмоционально сказал Снежане, покрутив пальцем у виска, после чего повернулся и исчез в той же тени. За спиной у паренька я заметил небольшие чёрные крылья.

– Ты видел? Что это было? – спросил я у Игната, но тот лишь пожал плечами:

– Этих ангелов не разберёшь.

– А почему всё же “ангелы”? – зачем-то спросил я. – Богу они, вроде как не служат...

– А как их ещё называть? Где живут – неясно, откуда пришли, куда уходят? Крылья у них, и магия в тысячи раз сильнее эльфской. Постоянно между собой говорят про какие-то запросы и разрешения – а кто их даёт, поди пойми. К тому же непрерывно воюют с демонами и следят за порядком в Мультивселенной. Выходит, что “ангелы” – наиболее точное слово. Пусть понятие и вполне условное.

– А можно подробнее о демонах? – заинтересовался я.

– Можно. Это тоже довольно условное понятие. Насколько известно нам, это ангелы, которые углубились в необитаемый космос и пробыли там очень долго. Что там с ними случилось – доподлинно неизвестно, но теперь во всём Мультиверсе нет более виртуозных умельцев по части уничтожения планет и искажения любых жизненных форм.

– Уж не они ли создали вампиров из людей? – как будто бы догадался я. – Это объяснило бы предвзятое отношение к вам со стороны ангелов.

– Вроде того. Есть, тонкости, разумеется, и постепенно ты тоже втянешься и узнаешь их. Пока скажу только, что как производные от людей мутанты мы ещё легко отделались. Из эльфов вампиры получаются куда как более зловредными.

Здесь деятель, видимо собрался увести разговор в сторону, чего мне допускать вовсе не хотелось.

– погоди про эльфов. Давай с вампирами разберёмся. Правильно ли я понимаю, что вы от условных “демонов” никак не зависите? И если не зависите, то почему тогда условные “ангелы” не в курсе? Или они в курсе, но я всё ещё не понимаю тонкостей?

– Большинство видов вампиров вовсе не самостоятельны, и их довольно много. Наша форма уникальна несвязанным сознанием на основе сознания хомо сапиенс. Отказ от крови помогает нам контролировать свои функции и режимы жизнедеятельности, а прямой контроль со стороны демонов – исключает. Цена вопроса – некоторые вампирские способности: у нас они ослаблены.

– Время от времени для поддержания сил им приходится пить кровь, но донорскую, – вмешалась Цурюпа, – Того, кто пьёт, изолируют, пока придёт в себя.

– Ничего себе! – удивился я и тут же спросил Игната. – И тебя так?

– Приходится. Раз в полгода – это самое редкое, – улыбка Игната вышла искусственной и даже какой-то вымученной.

А меж тем мы добрались. Я хотел попроситься, но Игнат всё же провёл меня домой и даже самолично проверил все комнаты, убедившись, что меня там никто не поджидал. Потом он умотал, а я завалился хоть немного ещё подремать перед учёбой.

Вот ведь попал я в историю: и днём покоя нет, и ночью не до сладких снов. Однако надо отдать должное: из-за произошедшего я стал чуть больше доверять Игнату и Ордену. «Вампиры хотя бы земляне, – размышлял я, – и они хотя бы спасали меня. А вот Снежаночка, попросту говоря, не позволила им увезти меня в безопасное место. Ангел такой ангел. И впрямь не разобрать их».

После бессонной ночи я, конечно, весь день клевал носом, и Маруся не упускала случая поддеть меня за это. Интересно, что Катя Цурюпа была, как всегда, бодра и весела, хотя, как понимаю, спать ей довелось значительно меньше, чем мне. А вот, поди же ты: как и раньше с неизменным успехом отшивает доброхотов от Милы, которая сегодня особенно тиха. Не иначе, ей крупно влетело за вчерашнее (с чего бы, кстати?). Пока я над этим думал, уроки шли своим чередом. Подобралась большая перемена, и стоило мне устроиться на парте, чтобы немного вздремнуть перед английским (хоть десять минуточек, пока Маруся где-то бегаёт!) передо мной возникла Снежана.

Как водится, именно “возникла”. Ходит она только от синтезатора к микшеру и обратно.

– Что? – поинтересовался я не слишком-то вежливо. А чего можно было ждать после ночных событий?

– Прости за вчерашнее.

«Так, стоп-стоп-стоп-СТОП! Ещё раз!»

– Прости. Ты рискуешь, но тебя же держат в неведении. Я получила разрешение сообщить тебе подсказку.

Я весь превратился в слух (именно так о моём состоянии пишут в дурацких книжках), позволив Снежане продолжать:

– В ближайшее время возникнет крайне опасная ситуация, в которой не будет иного выхода, кроме как разрубить грань между пространствами и уйти через проём на другой план. Для этого тебе нужно будет воспользоваться твоей гитарой. Кроме того, при любом контакте с противником тебе разрешается применять гитару для отражения атак и уничтожения нападающего. На этом всё. К сожалению.

Снежана развернулась и вышла.

Я сидел ошарашенный и снова и снова повторял про себя её речь.

– Яр! А что это к тебе Снежана Варяг подходила? – спросила меня моя однокласска, Рита Вишневская, сидя на окне. Не понял: она что, видела нашего ангела? Никто её не замечает в упор, а тут прям такая зоркая – подумать только.

– Да так. Дела группы, – скрытно ответил я, но вопрос мне очень не понравился.

«Что за интерес, скажите на милость? Неспроста!»

– Рит, а ты видела, как она зашла в кабинет? – спросил я.

– Не-а, я на улицу смотрела – там Мила Краснова разминаясь перед кроссом (тут все наши парни убежали к окнам), обернулась – а Снежана уже здесь.

– Ясно. Значит, на Милу засмотрелась, – поддел я Риту, впрочем, без особого веселья, просто ради поддержания беседы.

– ПФ! – ответила мне Рита и отвернулась обратно к окну. А я принялся соображать. Снежана не шутит, и, если она предупреждает о неприятности, значит, дело плохо. Гитарой воспользоваться – для чего? Чтобы пространства разрубать? Самое неприятное: она знает, что говорит, и никакой ошибки быть не может. Чудовища уже были, в ином пространстве я уже блуждал – что дальше? Ученики школы превратятся в зомби? Хорошо, хоть гитара со мной: я теперь её постоянно с собой таскаю, как дурак. Ну, или не как дурак, но всё равно.

«Кстати, а как ей можно рубить пространства? Или даже не пространства, а эти – грани между ними, она ведь так сказала? До чего же надоела вся эта конспирация! Взвалили на меня свои заботы, да ещё загадки подкидывают бесконечно – это же просто уму непостижимо!» – сетовал я.

А звонка всё не было.

И Маруся куда-то запропастилась.

Я поднялся с места и оглядел кабинет. Мужская половина класса столпилась у окон, наблюдая за Милой – вот и всё,

что можно было сказать по поводу увиденного. Однако, где же всё-таки наша егоза?

– Народ, а Светину видел кто?

– В столовке вроде! – ответили мне.

«Ах, ну да – перекусить бы! Две минуты до начала урока – она обычно уже в классе... Нутром чую, что-то не так, да и мысли путаются».

Я снова сел на место – не бежать же за этой неугомонной девчонкой не пойми куда – я же не нянька ей, так ведь? Пусть эльфы с вампирами переживают, в самом деле. Хотя, признаться честно, я всё же обеспокоился.

Чирикнул телефон – это пришло сообщение от Игната. «Не смогу быть на репетиции», – прочёл я и сразу придумал отповедь: «А с чего вдруг ты мне-то пишешь? Командирше нашей пиши, артист!»

Пока набирал ответ, прозвенел звонок на урок. Наконец-то! Все наши разбежались по местам, а Маруся так и не появилась. И учительница – тоже.

Посидели тихо, подождали: прошло пять минут, десять минут – где все?

Одноклассники начали болтать, беззаботные, а я продолжил дёргаться, ощущая себя как на иголках. В конце концов, я не нашёл ничего лучше, кроме как громко сообщить всем, что иду в учительскую, и вышел.

Как же тихо в коридорах во время уроков – ужас, да и только! Любой звук гулко отражается от стен и разносится во

все уголки. Пальцами не щёлкнуть, во всех кабинетах этажа сразу узнают и выскочат возмущаться.

А вот нечего пальцами своими щёлкать! Ты сюда щёлкать пришёл или учиться?

Делать нечего, надо идти выяснять, что происходит. Стараясь не топтать, я сбежал на этаж ниже и двинулся по длинному темноватому коридору между корпусами. Чтобы вы не подумали лишнего, в этом коридоре у нас всегда так: кабинеты располагаются с обеих сторон, поэтому окон и нет, только закрытые двери. И если с одного конца этот коридор упирается в небольшую рекреацию перед актовым залом, то с другой – в основной корпус, где тоже все окна в классах. Видите, дневному свету тут неоткуда взяться, вся надежда только на лампы, которые вечно перегорают.

Вот по этому сумрачному коридору я и шёл.

Штирлиц, тоже мне!

Дверь в учительскую – в дальнем конце, лишь немного не доходя до актового зала.

Дальше – небольшая лестница, на которую выходит дверь приёмной директора. А если спуститься по одной лестнице – окажетесь в холле рядом с дверью в столовку. Может, Марусю поискать? Нет, потом: сперва в – учительскую.

Помешкав, я легонько постучал в дверь, потом надавил на ручку и попытался открыть. Закрыто. «Ну-ну. Тогда продолжим розыски: добежим-таки до столовой». Немного ускорившись, я проследовал было привычным маршрутом, но за-

держался около двери в приёмную.

Тихо.

«Что-то слишком тихо. Даже секретарь не щёлкает мышкой!» – пронеслось в голове.

«Надо заглянуть», – решил я. Сомневался, конечно, ведь это же ненормально, если голова ученика посреди урока просовывается в незакрытую дверь директорской приёмной! Тот влетит мне, если подозрения неверны, и там на самом деле кто-то всё же присутствует... надо бы надёжное оправдание придумать. Интересно, а то, что я пытаюсь выяснить причину отсутствия учителя – достаточные основания для вторжения?

«А, была – не была!» – и я заглянул.

Никого!

Вот тут-то я заволновался всерьёз, поскольку прекрасно помнил, как накануне незаметно оказался в непонятном безлюдном пространстве, лишь повернув за угол. Неужто снова? А гитара-то в классе! Нет, ну не с гитарой же мне было идти искать учителя? И что мне делать, если я действительно где-то «не там»?

Если хотите знать, то лично я не вижу ничего хорошего в том, чтобы ежедневно оказываться не пойми где. Тем более меня не радует способ перемещения: я ведь ровным счётом ничего не делал – лишь за порог шагнул – и что?

И ничего!

С другой стороны, когда вдруг оказываешься в непонят-

ном пространстве по непонятным причинам, сокрушаться о превратностях судьбы всяко не самое конструктивное решение. Что там говорила Снежана? Разрубить грань между пространствами... гитарой?

Чёрт, а гитары-то у меня и не было с собой.

Ладно, пойдём за Бластером!

До кабинета английского я добрался бегом, без церемоний отворил дверь и нарвался на Риту Вишневскую, по-прежнему сидевшую на подоконнике, как ни в чём не бывало. Правда, когда я уходил, окно было закрыто. Да к дьяволу окно – Рита здесь! Неожиданно? Ещё бы! У меня-то были все основания полагать, что я уже вовсе не в любимой школе, а в совсем другом, хотя и очень похожем, месте. Поэтому я вообще не рассчитывал встретить одноклассницу. Хотя... А остальные где? И лампы не горят! И врут календари, угу.

– Ну, как, нашёл? – спросила у меня Рита, имея в виду учительницу английского. Да к чему эти вопросы? Думаете, я не понимал происходящего? Несмотря на скопированное окружение, мы оба были вовсе не в школе, а значит, и Рита не была просто девочкой! О чём тут ещё следовало думать? Не говоря ни слова, я шагнул к своему месту, где ждала гитара. Естественно, Рита всё предусмотрела: её рука противоестественно вытянулась, схватила чехол за лямки, и в мгновение ока мой Бластер оказался свешен за окно третьего этажа.

– Жизнь – штука нечестная, – с деланным драматизмом произнесла Рита цитату из какого-то фильма – и разжала

пальцы. Снаружи послышался глухой удар, а я подумал о том, что вместо дурацких советов Снежаночка могла бы просто не допустить нападения на меня – всем было бы легче.

– Знаешь, Ярик, я вот всё думаю... Почему именно ты? Основной объект всегда за кадром, зато на тебя направлены все усилия. На тебя нападают, тебя защищают – почему? Может, мне чего-то не сказали?

«Ясное дело, ты в курсе побольше меня – так чего приbedняться? Сколько можно крутить вокруг да около, в самом деле?!» – подумал я, а вслух крикнул:

– Да ты человек вообще – или кто?

– Ах, да! Чтобы ты лучше понимал... – молвила Рита, и у неё за спиной развернулись крылья. Небольшие – их не пришлось даже выставлять наружу через окно. Но вы же понимаете – крылья! Чёрные кожистые крылья. Демон? А почему тогда на Земле? И почему тогда Снежана не стала с нею сражаться? Тогда всё же ангел? А почему тогда она против меня?

– А потому, дурачок, что пары крыльев мне мало, хочу ещё одну, да к тому же меня ждёт глубокий космос – беззвёздная бездна, где я обрету новый дом!

От последней фразы у меня кровь прилила к лицу. Объяснение Игната я помнил дословно, так что разговоры о глубоком космосе могли означать для ангела только одно. Как там у них это может называться? Падение? Конечно, пока она сидела на подоконнике и, вроде, никуда не торопилась.

Следовательно, нужно было тянуть время: моя команда наверняка уже на подходе!

Стоп! Может, хватит рассчитывать, что кто-то прибежит и спасёт?

К тому же, если Рита ангел, то Снежана может...

– Думаешь, Снежана позволит тебе?

– А я её спрошу? Не-а! Она сейчас очень... занята, – продолжила скалиться Рита. Говорила она медленно, словно катая слова под языком, как маленькие конфетки. Чего ж ей надо?

– А народ из школы куда девала?

– Никуда. Все на месте, только мы здесь.

– Здесь – это где?

– Это дополнительное пространство, в которое ты вышел из класса. А я – следом за тобой.

– И зачем?

– Станный вопрос для того, кто уже встрял по самое не могу. Хочешь поговорить об этом? Ну что ж, я не тороплюсь. Смотри, что нам дано: есть человек, о котором все знают: его могущество безгранично. И есть вселенная, населённая миллиардами разумных существ, которые, представь себе, не хотят зависеть от своевольного сознания взбалмошного человека. И что делать? Держать в неведении? Перенаправлять способности в какое-то «нужное» русло? Или всё-таки раскрыть карты? Помочь осознать, увидеть, как человек покорит Вселенную или разрушит её...

– Трудная задача, а у тебя, конечно же, есть решение?

Рита, наконец, слезла с окна и медленно пошла в направлении доски, отдаляясь от меня:

– Полагаю, решение в том, чтобы предоставить такому человеку создать собственный мир. Дать ему отдельное пространство, где он никому не причинит вреда, кроме порождений собственной воли, разве что...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.